

BIG
FINISH™

DOCTOR WHO

SHORT TRIPS: THE MUSES

A SHORT-STORY ANTHOLOGY

EDITED BY
JACQUELINE RAYNER

ДОКТОР КТО

Короткие путешествия
(ST-04)

Музы

Антология рассказов
под редакцией Жаклин Рейнер.

Short Trips (ST-04)
The Muses

A Short-story anthology
Edited by Jacqueline Rayner

Расскажи мне, о Муза, об этом многоликом герое, который сбежал из родного мира, чтобы побывать во всех уголках пространства и времени. Расскажи мне, дочь Юпитера, о его сражениях и о его трагедиях, о незнакомцах, которых он встретил, о злых замыслах, которым он помешал. Говори со смехом, со слезами, песнями и видениями о Докторе, герое и защитнике этого мира и многих других.

С древнейших времён девять Муз несли вдохновение тем, кто хотел его получить. Девять авторов получили от Муз вдохновение рассказать о загадочном повелителе времени, известном лишь как «Доктор». Они расскажут об Истории, о Танцах, о Комедии и Трагедии, о Торжественной Поэзии, Эпической Поэзии и Любовной Поэзии, о Музыке и Астрономии. Позвольте же им обратиться к вашим сердцам.

ТЕРПСИХОРА: муза танцев

«Научи себя бальным танцам»

*Роберт Ширман
Перевод Shadowcat*

I

Бекки снова снилось, что она танцует. Вся простыня была сбита, а пуховое одеяло скручено в такое количество узлов вокруг её ног, словно она пыталась его придушить. Она хмыкнула. Все эти пинки, махи и ночные па-де-дё оставили её совершенно обессиленной. Не удивительно, что Дэвид так часто уходит спать в другую комнату. Она плеснула водой в лицо, почистила зубы, и, только закончив полоскание и сплюнув, она вспомнила, что у неё день рождения.

Бекки не любила дни рождения. Её беспокоило не старение. В конце концов, ей было тридцать восемь, это не старость, даже не близко, сорок — может и старость, но ей ведь ещё не сорок, ведь так, да? Нет, её злило то, как дни рождения разочаровывали. В детстве она считала их Чем-то Очень Особенным, и ничто не могло испортить это впечатление. Дни рождения делали тебя всемогущим, даже незнакомцы должны были быть милыми с тобой, будто у тебя над головой на двадцать четыре часа загорался нимб. Конечно, у неё всё равно

были домашняя работа и тесты по математике, над ней всё равно издевались, если она осмеливалась заходить в запретные углы игровой площадки — но она могла *притвориться*. Это её день рождения, она неприкасновенна.

Она была наполовину рада тому, что Дэвид не оставил ей поздравительную открытку. Она была и наполовину рассержена — но это было так в стиле Дэвида. Она приняла душ, хотя это и означало, что ей вновь придется сохнуть, нанесла немного макияжа, хотя он в конечном итоге сотрется. Она обдумала, не стоит ли ей выкурить свою ежедневную сигарету сейчас, и решила, что вероятнее сможет насладиться ей немного позже. Она оделась, села в машину, приехала на работу.

Одну по-детски наивную секунду она думала, что небольшая записка, ждавшая её в студии, всё-таки была открыткой на день рождения. Но это была записка от сторожа, в которой говорилось, что центральное отопление вышло из строя. Никаких объяснений или предложений по этому поводу. И слово «отопление» он написал с ошибкой.

— Немного прохладно тут, да? — сказал незваный гость и хлопнул себя руками по бокам, подчеркивая свои слова.

Пальто его выглядело тёплым — большое, толстое, скомпонованное из дюжины не сочетающихся ярких цветов.

— Сторож сказал, что я могу подождать, — радостно сказал он. — Мне пришлось немного его поуговаривать, но в конце концов он согласился.

Сторож, которого знала Бекки, был недоверчивым маленьkim гадом, который за пять лет, которые она арендовала студию, ни разу ей не улыбнулся. Он очень серьёзно относился к безопасности и, очевидно, считал страшным преступлением то, что ей нужно сначала попасть в здание, чтобы заниматься с учениками. Мысль о том, что этот эксцентрично одетый незнакомец очаровал его хотя бы чуть-чуть, была смехотворной, и она была намерена об этом сказать.

— Да, правда? — переспросила она.

— Вы учитель танцев, так ведь?

— Да.

Она была настороже, но не видела причин это отрицать.

Мужчина заговорил с ней шёпотом.

— Я бы хотел научиться танцевать, понимаете.

Он прошёлся по комнате, осматривая маленькие плакаты со схематичными человечками, исполняющими *plie* и болезненно выглядящие *арабески*.

— Моя подруга Пери уехала навестить друзей на несколько дней, оставив меня слоняться без дела. Я осмотрелся и не обнаружил никаких инопланетных вторжений, которые я мог бы предотвратить. Так что я решил научиться чему-то новому. Всегда хотел попробовать заняться бальными танцами или гончарным делом.

К этому моменту он закончил исследовать плакаты и снова повернулся к ней, сияя широкой улыбкой.

— Я выбрал танцы.

— Инопланетные вторжения? — робко переспросила она.

Он нахмурился.

— Нет, никаких инопланетных вторжений, в том и суть. Постарайтесь слушать внимательнее.

И он снова улыбнулся ей, чтобы показать, что он не обижается, и ей тоже не стоит.

— Я преподаю балет маленьким девочкам. А не бальные танцы мужчинам средних лет.

Он выпятил нижнюю губу, будто собираясь начать капризничать. Затем его лицо прояснилось, как будто он нашёл решение проблемы.

— Ой, ну ладно тебе, — сказал он.

— Нет.

— Совсем недолго.

— Нет. А теперь, если вы меня извините, мне нужно готовиться. Мой класс скоро будет здесь.

Она многозначительно взмахнула перед ним списком, мужчина бегло взглянул на листок.

— Не думаю, что стоит упоминать, что у меня много денег.

Он был смущен признанием.

— В смысле, вы можете взять их. Если хотите.

Он взял её за руки, а Бекки была так удивлена, что не отстранилась.

— Возьмите, — сказал он. — Это важно. Я не могу пообещать вам, что от этого зависит баланс во Вселенной, или что на кону жизни. Я не знаю, почему это важно. Но я чувствую это. Правда. Пожалуйста, — он умоляюще посмотрел в её глаза, — научите меня танцевать фокстрот.

Когда день клонился к вечеру — а уже и правда смеркалось — Бекки обнаружила, что мысленно

возвращается к странному незнакомцу. Она немного беспокоилась, что он не примет отказ, но он кивнул, улыбнулся и ушёл. Девочки под её присмотром весь день прыгали и скакали, одна из них даже села на шпагат. Во время обеденного перерыва они хихикали, бегали и дергали друг друга за волосы, в то время как Бекки стояла снаружи, играя незажжённой сигаретой и пытаясь вспомнить, что такого завораживающего она увидела в глазах незнакомца. Не стоило и говорить, что ни у одной из её учениц не было глаз хотя бы наполовину столь же интересных. И никто не поздравил её с днём рождения до того, как она приехала домой.

— С днём рождения, Бекс, — сказал Дэвид.

Только Дэвид звал ее Бекс. Когда-то она думала, что это его персональное ласковое прозвище для неё. Теперь ей казалось, что ему не хватало энергии на целых две согласных подряд.

— Хорошо день прошёл? — спросил он.

— Нормально, — ответила она. — А твой?

— Нормально.

Они никогда не обсуждали работу. Он совсем не интересовался балетом. А она ничего не понимала в актуарной ветви консультаций по управлению. Он подарил ей открытку с цветами на обложке.

— Потому что ты любишь цветы, — объяснил он.

Он выбрал открытку с таким длинным стихом, что для личного поздравления там не оставалось места. Поэтому он его не написал.

Он сводил её в её любимый ресторан — итальянский на главной улице, который никогда ей

особо не нравился, — и купил бутылку её любимого вина — дешёвого домашнего красного, которое ничего для неё не значило. Он заказал спагетти болоньезе. Ей хотелось вегетарианскую лазанью. Официантка раздражительно щелкнула языком, потому что её нужно было готовить специально. К тому времени, как была готова лазанья, он уже доел свой ужин и выкурил две сигареты, нетерпеливо ожидая, когда она его догонит. Она совершила ошибку, сказав, что ещё не выкурила свою сегодняшнюю сигарету, и он предложил покурить вместе. Но она не хотела делать это *вместе* с ним, это *её* ежедневная сигарета, не его, это личное и не имеет с ним ничего общего. Должно быть, она сказала это слишком резко, так что в ресторане повисла тишина, он выглядел оскорблённым, так что они решили пропустить десерт и поехать домой.

Раз уж он купил ужин, она предположила, что ей следует инициировать секс этой ночью. Она не могла сказать точно, но ей показалось, что он заснул на полпути. Его это постоянно усыпляло, в то время как её стальная концентрация вызвала у неё бессонницу. Она оттолкнула его храпящее тело, перевернулась на спину и подумала о странном незнакомце со странными глазами.

Она не была особенно удивлена тем, что он ждал её и на следующий день. Она была удивлена тому, что он держал в руках.

— Цветы! — объявил он. — Для вас. Вчера ведь был ваш день рождения, да?

Она приняла букет. Цветы пахли чудесно, так, как они пахнут в детстве.

— Как вы узнали?

Он пожал плечами и улыбнулся.

— Что ж, это очень мило с вашей стороны. Но вам пора уходить, мне нужно идти к моим ученикам.

— Они не придут.

— Что?

— Вы не взяли мои деньги. Зато ваши ученики взяли. Точнее, их родители. Я запомнил их имена, когда вы показали мне список. Я навестил их всех прошлым вечером и подкупил.

Он широко улыбнулся ей.

— Так что нет никаких причин, по которым вы не могли бы меня учить! Разве это не чудесно?

Она бросила в него цветы. Один особенно ароматный цветок хризантемы отскочил от его головы.

— Не вмешивайтесь в мою жизнь, — сказала она.

— Вы поняли?

Он выглядел таким ошеломлённым, что ей захотелось обнять его и сказать, что всё в порядке.

— Мне жаль, — сказал он. А затем, — Я починил центральное отопление.

Им пришлось немного прикрутить отопление.

— Если я буду учить вас, — объяснила она, — вам придётся усердно работать. Понимаете? Несколько часов со мной, и вы будете обливаться потом.

Он пылко кивнул, она немного покраснела и не вполне поняла, почему.

— Мы начнём с вальса, — сказала Бекки. — Просто и понятно. Каждый может танцевать вальс. Но не каждый может танцевать вальс хорошо.

— Я хочу хорошо танцевать вальс, — заверил её новый ученик.

— Тогда делайте то, что я говорю.

Она поставила его в исходную позицию.

— Хорошо. Я хочу, чтобы вы положили руку вот сюда. Чуть ниже моей левой лопатки. Да, так. А теперь поднимите другую руку... Чуть ниже, примерно на уровень моих глаз. Чтобы я могла положить на неё свою руку.

Он делал всё, что она говорила, нахмурив брови от сосредоточенности.

— Теперь мы готовы начать.

Она улыбнулась ему.

— Отставляем левую ногу. Вот так. Теперь приставляем к ней правую. И делаем шаг левой. Хорошо. Теперь отставляем *правую* ногу. Приставляем к ней *левую*. И шаг правой. Раз-два-два, понимаете. Раз-два-два, раз-два-два.

Они остановились. Мужчина посмотрел на нее.

— И это, значит, вальс.

Она рассмеялась.

— Вальс — это немного большее.

Пару часов спустя они исходили танцплощадку вдоль и поперек. Он учился охотно, но безнадёжно медленно.

— Вы должны смотреть через моё правое плечо, — сказала она. — А не пялиться всё время на свои ноги.

— Если я не буду смотреть на свои ноги, — немного раздражённо объяснил мужчина, — я буду наступать на ваши. Это не естественный способ ходьбы.

— В этом ваша ошибка, — сказала она. — Не нужно воспринимать это, как ходьбу.

Когда вы идёте, вам нужно достичь пункта назначения. В танце нет пункта назначения. Когда вы танцуете, всё дело в танце. Движении, ритме. Его красоте.

Она улыбнулась своему ученику и удивилась тому, насколько обеспокоенно он выглядел.

— Я предупреждаю вас, — едва слышным шёпотом произнёс он. — Если я не буду смотреть на ноги, я все сделаю неправильно. Я знаю, так и будет.

— Так делайте неправильно.

— Что?

Он звучал удивлённо. Даже сконфуженно.

— Это и есть танец. С одной стороны, дело в том, чтобы ставить ноги в нужное время в нужное место. С другой — в том, что ты чувствуешь, в игнорировании правильного и неправильного, в том, чтобы забыть, куда нужно ставить ноги, поддаться ритму. И вдруг случайно обнаружить, что ты всё равно ставишь их в нужное место в нужное время.

Он посмотрел на нее так, будто она сошла с ума.

— Вы должны быть менее дисциплинированным. Расслабьтесь. Доверьтесь мне, — мягко добавила она.

Он стиснул зубы и кивнул.

— Раз-два-два. Раз-два-два. *Не смотрите на ноги!* Раз-два-два. Смотрите через моё плечо. Смотрите на меня. Раз-два-два. Смотрите на меня, хорошо?

— Да, — ответил он. — Я в порядке.

— Более чем, — сказала она. — Вы танцуете!

Он и правда танцевал. Он рассмеялся от восторга. За следующий час он наступил ей на ноги пятнадцать раз. Затем только дважды. Запланированного перерыва на обед не произошло, она забыла о сырном сэндвиче и о ежедневной сигарете. К половине третьего он мог вращаться без команды. В три они кружились по комнате снова и снова, быстро, ещё быстрее, запыхавшийся ученик, смеясь от собственных успехов, учитель — смеясь над его смехом.

— Завтра, — сказала она, — я принесу музыку. Не обязательно всё время слушать, как я говорю раз-два-два.

— Хорошо, — сказал он. — Могу я угостить вас ужином?

Она отшатнулась, как от пощёчины.

— Я замужняя женщина, — сказала она. — Я замужем.

Он выглядел сбитым с толку. Это разозлило её ещё больше.

— Простите, — пробормотал он.

И Бекки вдруг вспомнился Дэвид, всегда извинявшийся, не понимая, что он сделал не так.

Этой ночью, Дэвид пришёл навестить её. (Казалось именно так — он «пришёл навестить её», будто он просил аудиенции, будто это не был и его дом тоже! Как же она это ненавидела!)

— Прости за вчерашнее, — сказал он.

— Вчерашнее?

— Ссора. Помнишь, в ресторане. Я не то имел в виду. Дело в том, что... в последнее время...в последнее

время, Бекс... ты кажешься отстранённой. Ты больше не хочешь говорить. Не хочешь что-то делать. Не на самом деле.

— Я не помню никакой ссоры, — сказала она.

Довольно радостно, показалось ей. И, слава Богу, он заткнулся.

Прежде чем покинуть комнату, (Куда он пошёл? Это была и его гостиная! Почему он прячется от неё?) он спросил, — Что ты хочешь сегодня на ужин?

— Мне всё равно.

— Возьмем на вынос?

— Почему нет?

Бекки была немного обеспокоена тем, что ситуация может быть неловкой после вчерашней ссоры — разве что это не было ссорой, правда? Глупое недоразумение, вот и всё — после многих недоразумений прошедшего дня. Но его глаза светились энтузиазмом.

— Я практиковался, — сказал он.

Она едва успела вставить кассету с музыкой Штрауса в плеер, прежде чем он закружил её в вальсе по комнате. Его ноги производили сложные вариации простых шагов, он одновременно удивлял её, вращая в новых направлениях, и успокаивал, работая с ней в полном согласии. Весь прошлый день она вела в танце и ласково поощряла его быть мужчиной и перехватить инициативу — а теперь он держал ситуацию под контролем, но не подавлял. Он давал ей возможность вдохновляться своими способностями — и она радостно принимала эту возможность.

Музыка стихла.

— Да, я вижу, — сказала она. И поцеловала его в щеку.

Он, кажется, этого не заметил.

— Значит, вальс освоен.

— Да.

— Что дальше?

Она не ожидала, что будет «дальше». Несколько дней *Голубого Дуная*, вот и всё.

— Фокстрот, — решительно сказала она. — Тебя это устраивает?

Его лицо покраснело, он радостно кивнул.

— Он сложнее, чем вальс, — объяснила она, — но после твоего успеха я уверена, что особого труда он не составит. Поставь руки как раньше. И на этот раз дело не только в положении ног, но и в темпе. Медленно-медленно, быстро-быстро.

Они попробовали. Минут через десять Бекки вырвалась из его рук.

— Ты снова смотришь на ноги! Зачем?

— Но это новый танец...

— Как будто ты *ничему* не научился. Дело не в механике. Я думала, что ты понял. Дело в *чувствах*. Неужели ты ничего не *чувствуешь*?

Её ученик выглядел так раненым её вспышкой, что она решила в этот вечер *принять* его приглашение на ужин. Это он заслужил. На самом деле, решилась она рано утром, когда оставила Дэвиду записку, объяснявшую, что она придёт домой поздно, выдумав в процессе старую школьную подругу. Через несколько часов осторожного фокстрота стало ясно, что ученик не собирается приглашать её на ужин. Так что она дала

несколько намёков, каждый следующий яснее предыдущего.

Наконец, он нахмурился посреди шага.

— Подожди-ка, — сказал он. — Я думал, что ты замужем.

— Что ж, это только ужин, ведь так?

Она по-девичьи невинно рассмеялась.

— Да...

— Не то чтобы у нас был роман или что-то в этом роде!

Она снова по-девичьи невинно рассмеялась.

— Верно, — согласился он.

Он закончил последовательность шагов и спросил,
— Какой твой любимый ресторан?

— Давай туда не пойдём, — сказала она. — Давай сходим в какое-нибудь милое место для разнообразия.

Так что всего пару часов спустя Бекки и её новый друг изучали меню в итальянском ресторане с приглушённым светом милях в пяти от города. Он предложил попросить официанта включить свет, она заверила, что тут красиво и со свечами. Она заказала вегетарианскую лазанью. Он тщательно изучил меню и заказал то же самое. Она заказала бутылку самого дорогого вина, которое было в ресторане — Почему бы немного не пожить, — спросила она и снова рассмеялась. Мужчина радостно согласился и заказал большую порцию лимонада со льдом.

— Скажи мне, — попросила она. — Мы ведь не встречались раньше, да? Дело в том, что у меня странное ощущение, когда я с тобой...

— Я встречал многих людей, — вежливо заметил он. — Но я так не думаю. Мне кажется, я бы запомнил.

Она встряхнула головой, отгоняя наваждение.

— Думаю, ты прав.

Она улыбнулась.

— Уверена, что я бы запомнила тебя.

Она потягивала вино, он жевал кубик льда. Лазаньи прибыли одновременно и обе были безупречны.

— Странно, — вдруг сказала она. — Я никогда не думала о том, чтобы спросить твое имя. Почему?

Он не ответил.

— Так как тебя зовут?

— Обычно меня зовут Доктором.

— Но это не имя.

— Нет. Это тайна.

Казалось, что он больше не будет об этом говорить, но он передумал.

— Эх, почему нет?

И он сказал ей.

Она громко рассмеялась.

— Что, правда?

Он кивнул немного стыдливо.

— Я говорю всем, что оно слишком длинное и труднопроизносимое. Обычно они замолкают.

И он тоже рассмеялся.

— Ну вот. Теперь ты знаешь один из моих секретов.

Его знают очень немногие.

Он глубоко задумался.

— По правде говоря, я не уверен, что жив ещё кто-то, кто знает его, — пробормотал он себе под нос.

Бекки сделала глоток вина.

— Хочешь узнать мой секрет?

Она не стала дожидаться ответа. На общем фоне не такой уж это был секрет, но было сложно сказать это вслух, она так долго это скрывала, так долго, и он занял целых двадцать минут. Она расплакалась, она извинилась за то, что расплакалась. Доктор ничего не говорил, не отводя своих глаз от её, не моргая, встречая её взгляд, когда ей это нужно, и позволяя отворачиваться, когда она нуждалась в этом.

И когда она раскрыла ему этот секрет, этот простой секрет, который она не могла раскрыть Дэвиду, никогда, ему будет *слишком больно*, она раскрыла ему и другие секреты.

Как она мечтала стать балериной, с самого детства, но никогда не старалась достаточно, или Дэвид ей помешал, да, в этом дело, и она смирилась с меньшим, чем должна была. И теперь она *никогда* не будет балериной, не по-настоящему, всегда будет учить маленьких девочек, а она ненавидела маленьких девочек, теперь она слишком старая, ей скоро сорок. И она рассказала ему другой секрет. Её новый секрет. То, что она чувствовала к *нему*. То, что она *думала*, что чувствует к нему, в конце концов, она только что его встретила, она не имеет понятия, что он чувствует к ней, может ли он, по его мнению, представить то, что она думает, что чувствует?

Он отвёз её домой — по словам Бекки, она не была пьяна, она просто устала. Она попросила его выйти и дать ей проехать последние несколько сотен метров по улице. Он спросил почему.

— Потому что, — ответила она.

— Я буду практиковать фокстрот, — искренне сказал он, и она невольно рассмеялась.

— Ты очень мил, — сказала она. И поцеловала его в щеку. — Спокойной ночи... Доктор.

— Спокойной ночи, Ребекка.

— Ты назвал меня Ребекка! Никто меня так не зовёт..!

— Ты против?

— Нет, мне нравится. Или, скорее, мне нравится, что ты это произносишь.

Она бы снова поцеловала его в щёку, но он вышел из машины и затерялся во тьме.

Дэвид уже спал в гостевой спальне. Он оставил ей записку, в которой написал, что надеется, что она хорошо провела вечер.

До неё дошло, что она три дня подряд пропускала свою ежедневную сигарету. Так что она выкурила их одну за другой, чтобы нагнать упущенное. А затем выкурила ещё три, просто для ровного счёта. А потом она подумала, какого чёрта. Она сидела несколько часов и курила пока её горло не потеряло чувствительность. И надеялась, что увидит Доктора завтра.

II

В следующий раз Доктор увидел Бекки только спустя восемьдесят лет. Восемьдесят лет по его времени, конечно — он произвёл в своей голове быстрый расчёт и понял, что это было на пару дюжин лет в её прошлом. Он был где-то в семидесятых и помогал военизированной организации отразить новое вторжение

автонов. Он бы обратился в ЮНИТ, но был почти уверен, что уже работал с ними в одной из предыдущих инкарнаций, отражая что-то ещё, и не хотел путаться под ногами. Эта группа ему нравилась меньше, но малый, стоявший рядом с ним, отрывисто двигался и говорил и носил аккуратные усы, что Доктор находил приятно обнадёживающим.

— Так вторжение произойдёт в четверг на следующей неделе? Мои люди наготове.

Младший капрал раздражённо хмыкнул, когда мимо него по тротуару прошли двое подростков, очевидно, поглощённые друг другом. Они остановились, поцеловались, рассмеялись и побежали дальше. Доктор задумчиво следил за ними взглядом.

— Доктор?

— Что? А, да, да. Четверг следующей недели.

Парень и девушка исчезли за углом. Он пошёл за ними.

— Доктор? Куда ты идёшь?

— Как вы и сказали, младший капрал, — ответил Доктор, — Мы ничего не можем сделать в ближайшие несколько дней. Думаю, мы заслужили небольшую передышку. А у меня есть незавершённое дело.

И, лениво взмахнув рукой, Доктор ушёл.

Усы младшего капрала дёрнулись, он выглядел почти комично расстроенным. Но поскольку никто этого не видел, он собрался и вернулся к тому, чем занимаются члены военных организаций, пока ждут, когда произойдёт что-то увлекательное.

Бекки нравились дни рождения. Дело было не в подарках — хотя их весело было распаковывать, содержимое обычно показывало, что мама всё ещё считает её ребёнком. Нет, особенным было то, что в этот день мама не могла пилить её, не могла перекладывать на неё обязанности по дому, не могла ругаться из-за поздних подъёмов и прогулок после наступления темноты. Один день в году её мать любила притворяться, что дочь — её близкий друг, что они ни разу не ссорились. И Бекки надеялась по полной использовать эту возможность.

На самом деле, она уже составила план — отыхать дома за просмотром телевизора, а затем шляться по торговому центру и целовать Дэвида. Вместо этого она стояла в какой-то захолустной танцевальной студии рядом с толстяком, который собирался научить её танцевать вальс.

— Ты выиграла приз! Ты выиграла приз! — воскликнула мать, когда Бекки спустилась с лестницы, такая счастливая, как будто это *она* выиграла чёртов приз.

И там стоял странный человек в глупой одежде — по-настоящему артистичной, можно сказать, прошептала её мама — он улыбнулся ей и сказал:

— Поздравляю, Ребекка!

Оказывается, она принимала участие в розыгрыше подарков на день рождения — она такого не помнила — и выбрала уроки танцев в качестве приза — чтоказалось маловероятным. И этот забавный человек, который выглядел едва ли способным бегать, не то что танцевать ламбаду, должен был увести ей с собой и учить целую

неделю. Больше всего её удивила её мать, женщина, настолько недоверчиво относилась к мужчинам, что молоко у двери забирала только тогда, когда молочник уезжал подальше. Доктор её определенно очаровал. Что ж, с Бекки это не сработает.

— Мы начнём с вальса, — сказал он. — Просто и понятно. Каждый может танцевать вальс. Но, — добавил он с блеском в глазах, — не каждый может танцевать вальс хорошо.

Он сделал паузу, будто ожидал от нее ответа.

— Плевать, — пробормотала она.

Её проблема, думал Доктор, в том, что она недостаточно смотрит на ноги. Он учил её движениям, а она танцевала вокруг них, не вполне подчиняясь ритму, всегда находя свой собственный.

— Тебе нужно быть более дисциплинированной. Сдерживать себя, — сказал он, и она посмотрела на него.

Он тщательно всмотрелся в её лицо. В ней узнавался тот же человек, но лицо было немного круглее и без морщин. Её глаза сияли не так ярко, как при последней встрече, но он предположил, это потому, что она не пьяна.

— Уже лучше, Ребекка. Ты улавливаешь суть.

— Не зовите меня Ребеккой. Меня от этого тошнит. Все зовут меня Ребеккой.

— Извини.

Они сделали перерыв на ланч. Она сжевала свой ежедневный шоколадный батончик и не предложила ему кусочек. Она позволяет себе только один, объяснила она.

Иначе она растолстеет, покроется прыщами и не будет нравиться мальчикам. Доктор спросил, есть ли у неё парень. Она сказала, что нет.

Они вальсировали ещё несколько часов, Доктор учил её движениям снова и снова, чтобы однажды она смогла научить им его. Она казалась ему трудной ученицей. Если она следовала движениям, то становилась негибкой, деревянной. Когда не следовала — она расслаблялась, начинала получать удовольствие — и проходилась по его ногам.

— Мы собираемся провести так весь вечер? — спросила она.

— Ты предпочитаешь заняться чем-то ещё?

— Я обещала встретиться с Дэвидом. Провести с ним какое-то время.

— Ты же сказала, что у тебя не парня.

— Он мне не парень. На самом деле нет. Он просто тот, на ком я тренируюсь целоваться. Перед тем, как *завести* парня.

Она улыбнулась с неожиданной скромностью, которую Доктор увидел впервые за день, и это сломило его сердца.

— У меня неплохо получается!

И она ушла, пообещав вернуться утром в десять и повторить пройденное перед сном. Доктор размышлял несколько часов, пока сторож не пришёл и не сказал, что хочет закрыть помещение. Тогда он отправился искать Дэвида.

В конце концов он нашёл его в пабе, в котором закрывали глаза на продажу алкоголя несовершеннолетним. Доктор спросил, что ему заказать.

Дэвид выбрал пинту сидра. Доктор остановился на лимонаде со льдом.

— Твоё здоровье, — сказал Доктор.

Он сказал, что верит в то, что однажды Дэвид женится на Бекки. И Доктор хотел попросить его этого не делать. Потому что Дэвид ей только помешает. У неё есть мечты и стремления, и чтобы воплотить их понадобятся храбрость и решимость, а Дэвид просто вытянет это из неё, сделает её пустой и бесполезной.

— Это не твоя вина, — добавил он и захрустел льдом.

Дэвид был немного озадачен этим заявлением. Он сказал Доктору, что не намерен когда-либо на ком-то жениться. Но он не собирается отказываться от своей девушки, даже за две пинты сидра, спасибо большое.

— Она сказала, что не считает себя твоей девушкой, — сказал Доктор.

— Однажды будет считать, — пробормотал Дэвид, выпив третью пинту.

Где-то во время пятой пинты Дэвида и последнего кубика льда Доктора, Доктор схватил Дэвида за руку с силой, казавшейся гневом.

— Хорошо, — сказал Доктор.

Он не собирался бросать Бекки. Хорошо. В таком случае, он мог попробовать быть динамичнее. Хотя бы *попробовать*. Заставить её почувствовать себя особенной, потому что она *особенная*, разве Дэвид не согласен? Не просто дрейфовать по её жизни — помочь ей сформировать её, извлечь как можно больше, поддерживать её, поощрять её. Более того. *Вдохновлять* её.

Дэвид сказал, что определённо об этом подумает.

На следующий день Бекки пришла в четверть одиннадцатого. Доктор подумал, что она нарушила и другое своё обещание и провела больше времени за поцелуями, чем за танцами. Он несла потрёпанную охапку цветов, которые выглядели так, будто их по пьяни нарывали в разных садах и собирали вместе ни с того ни с сего. Их оставили в подъезде, чтобы она нашла их, и девушка была ими очарована.

Из-за цветов или нет, Бекки сегодня казалась спокойнее. Хотя Доктору пришлось напомнить ей пару элементарных вещей, танец её сегодня был более плавным, и она, казалось, готова была прислушиваться к его словам. Доктор всё ещё видел в её лице упорное сопротивление, которое так встревожило его вчера, но теперь её черты смягчила самоирония. В определённые моменты, когда она неуклюже ошибалась, ставя ногу, или пропускала такт, в её добродушной раздражённости он узнавал Ребекку, которую когда-то знал.

К часу дня они свободно вальсировали по танцполу, он вращал её, она вращала его. Она радостно вскрикнула. Она легко заняла позицию лидера, и он позволил ей вести. Во время перерыва на обед она повертела в руках свой ежедневный шоколадный батончик, но не съела его.

— Что дальше? — спросила она.

Если не нетерпеливо, то, по крайней мере, заинтересованно.

— Мы можем дальше танцевать вальс, — сказал он.
— Или перейти к фокстроту. Но я предупреждаю, его сложно освоить.

Ей фокстрот сложным не показался. На самом деле, сложный ритм, кажется, ей понравился. Ей было проще взять все эти дополнительные движения и вставить их между тем, что ей хотелось сделать изначально.

— Развлекаешься? — однажды спросил он её.

Она кивнула. Если не восторженно, то, по крайней мере, энергично.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, — продолжил он. — Когда ты потянулась ко мне... ну, ты еще этого не сделала, но... я не знал, как ответить. Я не мог дать тебе то, чего ты хотела. Но я знал, что смогу дать тебе *что-то*. Каким-то образом. Однажды. Я знал это *тогда*, понимаешь. Когда впервые встретил тебя. Я не знал, почему важно, чтобы ты научила меня, но я знал, что это будет иметь значение. Я почувствовал тогда, как чувствую и сейчас, что я каким-то образом повлияю на твою жизнь, или ты на мою. Понимаешь?

Он отпустил её и больше на неё не смотрел.

— Ты понимаешь? — тихо спросил он, зная, что она не понимает.

— Не было никакого розыгрыша призов, да?

— Нет. Извини.

Наверное, она должна была испугаться незнакомца, заманившего её сюда под ложным предлогом. Но она не могла испугаться. Разозлиться, это она могла.

— Не вмешивайся в мою жизнь, — закричала она.
— Ты понял?

Она бросила в него цветы. Один особенно помятый цветок нарцисса отскочил от его головы.

— Я знал, что ты всегда хотела быть балериной. Я хотел исполнить твоё желание. Я...

— Я не хочу быть балериной.

— Хочешь. Ты всегда об этом мечтала.

— Когда была маленькой девочкой. Девчачья болтовня. Детские мечты.

Она запнулась.

— Мы вырастаем, ведь так?

— Что ж, — мягко сказал Доктор, — чем ты *хочешь* заняться, Ребекка?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Может, работать в магазине.

— В каком магазине?

— Не знаю.

Он вдруг стал выглядеть таким ошеломлённым, что ей захотелось обнять его и сказать, что всё в порядке, всё в порядке.

— Ты ведь даже не учили меня балету, — учтиво заметила она.

— Я не умею танцевать балет.

— Значит, вальс и фокстрот. Чему бы ты учили меня дальше?

— Я не знаю. Я дошёл только до фокстрота.

— Я покажу тебе, как нужно танцевать, — сказала она, — по-настоящему танцевать.

Она включила магнитолу; лента выбивала ритм фокстрота, но Бекки не обращала на него внимания. Она *танцевала*. Она покачивала головой в такт с музыкой в ней, которая была лучше предложенной, она

раскачивалась, подпрыгивала и вращалась. Это должно было выглядеть нелепо. Но не выглядело. В этом была радость, бессознательная любовь к движению, к возможностям тела, к формам, которые оно может принимать. Понимание того, что она ещё достаточно юна, чтобы это сошло ей с рук, наивность, которая не осознавала того, что так будет не всегда. Она танцевала и смеялась, смеялась и танцевала. И, наконец, упала от усталости, все ещё смеясь.

Доктор зааплодировал.

И она поцеловала его. Она целилась в щёку, но что-то пошло не так, совсем немного, и она коснулась губ, всего на мгновение. А потом она ушла.

Доктор не ожидал увидеть её снова. Но он был в торговом центре пару дней спустя. Возле Вулворта он увидел целовавшихся Бекки и Дэвида. Они его не видели — их мысли были заняты совсем другим. Он оценивающе смотрел на них несколько мгновений. Она была права, практика окупалась — она отлично целовалась. Дэвид был напряжён и неловок и не знал, куда девать руки. Его лицо выглядело так, будто он надувал воздушный шар.

Доктор вдруг понял, где он ошибся. Он должен был давать уроки танцев *Дэвиду*, а не Бекки. Преподать ему немного грации и умения держаться. Что-то такое, что компенсировало бы неловкость их будущего брака. Какой-то общий интерес.

Что ж. Уже поздно.

Проходя мимо Маркса и Спенсера он подумал, что заметил, как двинулся манекен в витрине. И он понял,

что ошибся в расчётах — не в следующий четверг, а в эту среду! Он помчался искать военных.

III

Бекки снилось, что она снова танцует. Ей не удалось сбить простыню, и одеяло спуталось не так сильно, чтобы его нельзя было расправить. Но она знала, что ей снился сон, из-за боли в ногах. Во сне она делала то, о чём наяву не смела даже мечтать. Каждую ночь Бекки танцевала; каждое утро просыпалась, расплачиваясь за это.

На секунду она задумалась, не принять ли сейчас своё ежедневное обезболивающее. Затем она решила, что вероятнее сможет насладиться им немного позже. (Врач назначил ей четыре в день, но Бекки считала, что это чрезмерно много — одного будет достаточно, сказала она ему.)

Это был её день рождения, а Бекки любила дни рождения. Ей нравилось, что она может сказать, что она победила ещё один год, что ей уже восемьдесят восемь, а она ещё не мертва. Её сиделка, Трэйси, милая девушка, отчитала её и сказала, что так говорить ненормально. Но ведь это не ненормально. Это правдиво. Она по-настоящему наслаждалась тем фактом, что она добралась аж до восьмидесяти восьми лет, и была настроена держаться за жизнь хотя бы для того, чтобы однажды сказать, что и до восьмидесяти девяти она добралась.

Конечно, нелепо было ожидать, что объявитя Доктор. Но она почему-то совсем не была удивлена, когда он пришёл.

— Привет, Ребекка, — сказал он.

— Привет, — ответила она и назвала его настоящим именем.

Он стыдливо улыбнулся.

— Ты помнишь?

— Конечно.

— Я принёс тебе цветы.

Размытые цветовые пятна, она не могла толком их разглядеть.

— Взгляни.

Он поднёс их ближе, но недостаточно близко. Она принюхалась и ничего не почувствовала. Она всё равно улыбнулась ему.

— Красивые, — сказала она. — Поставь их в вазу, будь добр.

Она подумала, что Трейси они понравятся. Трейси нравились цветы.

Она приподнялась на кровати, чтобы посмотреть на Доктора должным образом. Боль была страшной, но, как говорил её мануальный терапевт: «Без труда нет плода, Бекс, без труда нет плода». Ей не особо нравился этот костоправ, и ей не нравилось, когда её звали Бекс.

— Как у тебя дела? — спросила она, сражаясь с болью.

Он присел рядом с ней.

— Мне кажется, я умираю, — сказал он.

От любого другого человека это признание, здорового мужчины средних лет, сказанное женщине,

которой было даже улыбаться, показалось бы ей несколько бесчувственным. Но не от него. Она взяла его за руку. Он выглядел немного бледным. Даже цвета его пальто, кажется, потускнели.

— Что случилось? — мягко спросила она.

— Я везде побывал и всё сделал, — сказал он. — Я сражался в битвах, в которые ты бы не поверила. Я исследовал планеты, недосягаемые даже для человеческих мыслей. Я сделал всё.

На мгновение воцарилась тишина, и Бекки подумала, стоит ли ей что-то сказать.

Она решила подождать.

— У меня больше нет спутников. Нет друзей-солдат, чтобы помочь мне. Все меня оставили.

И вновь тишина.

— Я одинок, — сказал он наконец.

Они сидели, держась за руки, в тёмной спальне. Это успокаивало их обоих.

— Как у тебя дела? — наконец, спросил он.

— О, я всё ещё держусь, — сказала она.

— Ты в порядке?

— Бывало и лучше. Но я ещё не сдалась.

— Что случилось с Дэвидом?

— Ох.

Она попыталась вспомнить.

— Мы развелись. В конечном итоге. Потом он умер.

В конце концов.

— Мне жаль, что ты так и не стала балериной.

— Ох, дорогой, — сказала она и улыбнулась. — Разве ты не знаешь, что из меня бы никогда не получилось хорошей балерины?

— Ты этого не знаешь.

— Я знаю.

— Ты этого не знаешь, — тихо повторил он.

Какое-то время он молчал. Ей нравилось просто держать его за руку в темноте.

— Ты можешь пойти со мной, — сказал он. — Есть места, в которые я могу свозить тебя. Миры с нулевой гравитацией. Ты можешь танцевать снова. Ты все еще можешь быть танцовщицей.

Она улыбнулась ему. Он продолжал. Восторженно, словно щенок.

— Ты можешь быть кем захочешь. Я отвезу тебя туда, куда ты захочешь отправиться. Я уже видел всё это, но в этот раз я смогу смотреть твоими глазами, и всё будет новым. И захватывающим. И свежим... Пожалуйста, — с опозданием добавил он.

— Наклонись поближе, — сказала она, — Еще немного ближе.

Он послушался.

И она нежно поцеловала его в губы. Её губы были грубыми, потрескавшимися и пахли кариесом. Его губы благоухали, они были красивыми, мягкими и уступчивыми.

— Тебе ещё предстоит бороться в сражениях. Я знаю. Но тебе придётся делать это без меня.

Они посмотрели друг другу в глаза, и на этот раз она его заворожила.

— Прощай, — прошептала она.

Он кивнул и встал. Он скрылся в темноте комнаты и пропал из её жизни.

Она закрыла глаза и снова заснула. Ей снилось, что она танцует.

ТАЛИЯ: муза комедии

«Мозг Сократа»

Гарет Робертс

перевели с английского золко и Vvn1995,

редактор перевода Vvn1995

<http://notabenoid.com/book/53659>

Три глаза Гриммона открылись.

Он видел звёзды. Не блестящие точки, которые он привык видеть на экране своего корабля; свет этих звёзд рассеивался атмосферой планеты. Он глубоко вдохнул. Да, последние показания сенсоров были точны. Воздухом этой планеты, хоть и слишком разрежённым для джезарка, можно было дышать. Всюду витал пряный аромат, что было довольно приятно. Также он слышал стрекотание насекомых. Он вспомнил показания другого датчика. Эту планету населяли умные, для существ с примитивной культурой, создания.

Он не торопясь поднялся, пошевелил когтями и коротким хвостом. Волна едкого дыма окутала его, он обернулся и увидел останки своего корабля, расколотого на три части. Только противоударная обшивка сидения спасла его от подобной участи. Огонь на корпусе навигационного кристалла постепенно затухал. Гриммона окружала плоская равнина, чередующаяся с каменистыми участками, попадались и

деревья. Из-за темноты было трудно сказать наверняка, но он не заметил никаких признаков примитивов. Инстинктивно рука Гrimmona скользнула к бластеру, висевшему на поясе. Он был цел и полностью заряжен.

На него нахлынули воспоминания об аварии. Он был с третьим исследовательским патрулем на стандартной миссии по съёмке звездной карты на краю этой маленькой галактики, когда векторный стабилизатор питания вышел из строя. Через несколько секунд, он даже не успел запросить помощь у других подразделений, навигационный кристалл был перегружен, из-за чего его стало затягивать куда-то в космос с постоянно растущей скоростью. Когда корабль вышел из штопора, он вспомнил свою подготовку и немедленно установил сканеры на поиск ближайшей обитаемой планеты. Нашлась только одна: зелёно-голубой шар, окруженный белыми облаками. Гrimmon разблокировал аварийную навигационную консоль, и изо всех сил старался направить свой умирающий корабль к его последнему пункту назначения. В то время как космическое давление сжимало крошечный корабль, он мог думать только о Джезарке, о его густонаселенных городах, звездных портах и невероятных технологиях, о доме, который он наверняка больше не увидит, даже если переживет это падение. А потом он потерял сознание.

Внезапный резкий треск вернул его в настоящее. Он метнулся за отсек обгоревшего корпуса, а затем медленно пополз, выглядывая за зазубренный край своего укрытия.

Два примитива шли со стороны одного из выходов горных пород. Гуманоиды, но только это и обнадёживало. Их конечности были тонкими, они были ужасающе бледны, с глазами, горящими энергией и целеустремлённостью. Почти комично на их макушках и лицах располагались клочья волос. Они были облачены в одежду из простой белой ткани, стянутой на пояса цветными лентами. Они несли длинные копья с заострёнными концами, как колья, осторожно приближаясь к кораблю.

Гrimmon вспомнил показания датчика. Эти существа были исследованы предыдущим патрулем джезарков и классифицированы как перспективно разумные. Также были признаки того, что их регулярно посещают Старые Цивилизации. В таком случае они отреагируют на его бедственное положение и дадут ему приют? Возможно, они немного развились со времен того исследования? Он почти и не надеялся, что они смогли прогрессировать на такую ступень, что были в состоянии помочь ему выбраться с этой планеты.

Он медленно встал, включив свой переводчик.

— Я пилот патрульного корабля с Джезарка Grimmon, — сообщил он, надеясь, что это дружелюбный тон. В то же время он поднял когти, чтобы показать, что не причинит вреда. — Моё прибытие на эту планету не было намеренным...

Оба примитива закричали и бросили свои копья. Наконечники без вреда отскочили от скафандра Grimmona, но он автоматически вытащил бластер из ремня и выстрелил. Примитивы попали под луч, и хотя мощность была установлена на минимальное значение,

спустя секунду их хрупкие кости превратились в мелкий порошок.

Гrimmon тяжело вздохнул. Примитивы не развились. По крайней мере если эти двое были типичными представителями своего вида, то эти примитивы не представляют никакой угрозы для него.

Поддавшись любопытству, он прошёл мимо их останков и обогнул большой камень, из-за которого они вышли. Его жесткую пятнистую зеленую кожу сразу же окатил сильный порыв ветра. За скалой на некотором расстоянии виднелся город. За плотным кольцом деревьев он увидел большое скопление деревянных жилищ. В центре всего этого находился невысокий холм, на котором располагалось большое белое здание, построенное с удивительной красотой и простотой. Небольшие отблески пламени освещали его колонны.

— Что ж, похоже это мой новый дом, — сказал Grimmon, глядя на Афины.

Лила вошла в комнату управления ТАРДИС, всё ещё чувствуя себя немного некомфортно в лёгкой льняной тунике, которую ей дал Доктор. Она спадала до лодыжек, а материя скреплялась двумя булавками на плечах. Пара сандалий завершала наряд. Также она последовала совету Доктора и, используя набросок, который он ей дал в качестве образца, собрала волосы в пучок и стянула лентами. Костюм был лёгким и практичным, позволял ей свободно двигаться, но она не могла избавиться от слабого чувства застенчивости.

— Доктор, — позвала она.

Он оторвался от деревянной консоли и кивнул.

— Артемида, — сказал он и повернулся к консоли.

Лила подошла к консоли.

— Артемида?

— Она тоже была великой охотницей. Вообще-то даже богиней.

— Но ты не веришь в богов.

— Там, куда мы собираемся, верят.

Он настроил управление, и ТАРДИС дала небольшой крен, когда он ввёл поправку в координаты.

— А когда ты в Афинах, делай всё как греки.¹

Лила нахмурилась.

— Доктор, тогда почему ты не оденешься как грек?

Доктор стащил шарф с вешалки и начал наматывать его вокруг шеи, глядя с хитринкой.

— Потому что я глупо смотрюсь в хитоне.

— Ты всегда глупо выглядишь, — проворчала Лила.

Она почувствовала знакомое затухание двигателей ТАРДИС, когда та начала материализовываться, достала арбалет из угла и начала проверять спусковой механизм.

Доктор отобрал его и покачал головой.

— Почему? — запротестовала она. — Ты сказал, что здесь есть охотники.

— Есть. Но не с арбалетами.

Лила достала оружие Тешей, которое она прихватила на своей планете.

¹ В оригинале «*And when in Athens, do as the Greeks do*» — игра с пословицей «*When in Rome, do as the Romans do*» («Когда ты в Риме, делай всё как римляне»), русский аналог которой «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

— Хорошо, тогда я пойду с этим.

Доктор забрал у неё оружие.

— Ещё больший анахронизм. На днях я дам тебе приличный урок истории.

— Именно это ты и собирался сделать! Сам же говорил, — сказала Лила.

— Чудесно, — сказал Доктор. — Я просто невероятно организованный.

Лила даже не улыбнулась.

— На днях я дам тебе урок, Доктор. Всё, что ты говоришь — непоследовательно!

Доктор поднял палец и переключил своё внимание на консоль, и, после ловких манипуляций с рычагами, ТАРДИС вздрогнула и остановилась.

— Так! — воскликнул Доктор. — Именно поэтому я и даю уроки. Видишь ли, у тебя до невозможности прямолинейное мышление.

— Прямолинейное?

Доктор вздохнул:

— Уф, это займет кучу времени...

Он начал раскручивать шарф.

— Ты, несомненно умна...

— Спасибо.

— Но в рамках эксперимента Зоанона твой народ влакил жалкое существование, из-за чего ваш разум не мог развиваться во всех направлениях.

Лила потупила глаза.

— Ты слишком серьёзна, — продолжал Доктор.

— Я?

— В джунглях явно не хватало времени для шуток. Вот почему мы здесь, — Он вернул шарф на вешалку. —

Афины были колыбелью комедии и многих других вещей. Поэзия, математика, литература, философия, демократия. И довольно многое ваз. Люди пользуются плодами их трудов многие поколения спустя.

Он указал на дверь.

— Некоторые из величайших умов в человеческой истории — отсюда.

Лила чувствовала себя немного уязвленной:

— И величайший ум в истории Повелителей Времени — здесь, — сказала она.

— Что это было? — с подозрением спросил Доктор.

— Шутка, — язвительно ответила Лила.

— Хммм, — сказал Доктор, щёлкая входным переключателем. Он вновь начал наматывать на себя шарф.

Доктор и Лила вышли в палящий зной, хоть и приближался вечер. Лила моргнула и прикрыла глаза, привыкая к свету и затем с подозрением оглянулась. ТАРДИС материализовалась в полумраке, незаметно пристроившись в углу, образованном двумя деревянными постройками. Перед ними была грувая мостовая, которая вилась вниз, потихоньку заворачивая вправо. Их окружало множество похожих зданий, но внимание Доктора привлекало большое белое каменное строение на невысоком холме примерно в четверти мили отсюда. К нему вёл лестничный марш из белых камней. Лила могла видеть мужчин в белом, спускавшихся в город; некоторые из них проходили мимо неё, оживлённо разговаривая. В отдалении она слышала крики животных; в воздухе витал пряный аромат.

— Хмм, Бисто, — сухо сказал Доктор.²

— Они забивают скот, — заметила Лила.³

— Жертвоприношения для богов, — сказал Доктор.

— Не без местного ритуального колорита, но в основном всё это лишь предлог для большого барбекю. Жрецы совершают обряды, кто-то в это время перерезает горло бедного зверя, а потом туша отправляется в костёр. Люди съедают самое вкусное, а кости и хрящи оставляют богам.

— Как пиры в честь Зоанона, — сказала Лила.

— О, им живётся куда лучше, чем Севатимам — сказал Доктор. Он широко взмахнул рукой. — Идеальные условия для поселенцев и фермеров. А что нам даёт земледелие?

Лила вспомнила предыдущий урок.

— Даёт время подумать. А не влачить жалкое племенное существование.

— Прекрасно, — сказал Доктор. — А семью семь?

— Сорок девять, — вздохнула Лила.

Доктор взглянул на Солнце:

— Похоже мы прибыли как раз вовремя. Вперёд.

² Бисто (Bisto) — смесь для приготовления подливки. На рекламных плакатах дети, учуяв запах Бисто, восклицают «Ах, Бисто!» («Ah, Bisto!»). Видимо, Доктор подражает им.

³ Очередная игра слов, основанная на непонимании Лилой реплик Доктора. Bisto и beast (скот) звучат на английском практически одинаково, а Лила, разумеется, этой смеси для подливки отродясь не видела, поэтому она думает, что Доктор говорит про скот.

Он приподнял свой шарф — Лила заметила, что не смотря на то, что он одет в шерстяное пальто, он не потеет — и направился к жилищам афинян.

— Как раз вовремя... для чего? Для очередного барбекю? — Лиле хотелось поесть настоящего мяса, а не тех странных продуктов, которые производила пищевая машина ТАРДИС.

— Нет, скоро начнётся шоу.

Толпа увеличивалась по мере того, как Доктор и Лила приближались к месту, которое Доктор называл театром. Лила была удивлена: ничего похожего на этот театр она не видела, когда они сражались с Венг-Чангом в Лондоне. Сидения располагались большими кругами, расходясь от широкой площадки, освещенной мерцающими факелами — солнце уже садилось. К своему облегчению Лила заметила посреди толпы несколько женщин, одетых так же как и она, хотя они скрывали свои лица, уставившись в землю.

— Я уже начала полагать, что это город мужчин, — сказала она.

— Фактически так и есть, — сказал Доктор, ведя её вдоль одного из задних кругов. К неудовольствию Лилы, люди бросали странные взгляды на неё, а не на Доктора в его диковинном облачении.

— Все девушки сидят взаперти. Вообще-то, ты не должна быть здесь, но они вероятно подумали, что ты куртизанка, которую я снял на вечер.

— Куртизанка?

— Компаньонка.

— Почему женщинам не разрешено находиться здесь? — спросила Лила.

— Потому что вы непостоянные, низшие существа.
Лила надулась.

— Я никому не позволю принижать меня!

Доктор положил руку ей на плечо.

— В это здесь верят.

Лила возмутилась.

— И это считается местом великой учености и демократии!

— Постарайся не принимать это близко к сердцу, — посоветовал Доктор. — Со стороны любая культура выглядит странно. Кажется, ваш шаман носил на голове пластиковую перчатку.

К этому моменту театр был почти полон. Доктор сообщил Лиле ещё несколько фактов:

— Они часто проводят здесь представления, по три пьесы в день, в честь праздников. Сегодня мы пробрались сюда во время перерыва. Третья пьеса, как правило, комедия. На них обычно приходит много народа. Если я не ошибаюсь, то мы попали на Аристофана. Один из первых и величайших авторов комедий за всё время существования человеческой культуры.

Лила заметила мужчину с деревянной дощечкой на шее, двигавшегося между рядами и продававшего небольшую маслянистую рыбку. Она сильно пахла солью. Доктор отреагировал на её урчащий желудок, достав знакомый мятый бумажный пакет из кармана и протянув ей мармеладку. Лила тоскливо посмотрела на прошедшего продавца рыбы.

Она надкусила мармеладку:

— Это неправильное питание.

— Я понимаю, о чём ты, — сказал Доктор. — Уверен, что ты бы с удовольствием прикончила кебаб.

Лила нахмурилась.

— Ты говорил, что убийство — это плохо. Кто такие кебабы? Пришельцы?

— Шшш, — сказал Доктор, — время поднимать занавес.

Лила не видела никакого занавеса, но толпа утихла, как только в центр площадки шагнула высокая фигура в длинных одеждах и огромной маске.

Следующий час Лила провела в крайнем замешательстве. В перерывах появлялась толпа похожих фигур в масках, попеременно лающих и поющих. Часто их слова были длинными и незнакомыми для неё. Она пыталась следить за сюжетом, но вскоре безнадежно запуталась. Сюжет, кажется, включал в себя глупого старика по имени Стрепсиад, безвыходно погрязшего в долгах (однажды Доктор объяснил ей про долги с помощью стопки вещей, которые он назвал неоплаченными кредитными картами на имя доктора Джона Смита). Стрепсиад решил посоветоваться с Сократом, мудрейшим человеком в Афинах, по поводу погашения своих платежей, а нашел этого великого человека, которого изображал очень низкий актер в особенно гротескной маске, подвешенного над центром площадки в клетке из корней деревьев. Сократ озадачил Лилу; он был известен как мудрец, но всё, что он говорил, имело мало смысла. Ей вспомнился Доктор. Сократ говорил загадками, и каждый раз, когда он произносил одно из своих глупых высказываний, публика корчилась от смеха. Даже Доктор, обычно не

проявлявший открытой весёлости, откидывал голову и хохотал. Лила была крайне озадачена — показать неуважение к старшему было преступлением у Севатимов. Это было одной из причин, по которой её изгнали из племени — она посмела усомниться в словах шамана. И всё же казалось, что здесь, среди этих якобы выдающихся людей, намеренно поощрялась насмешка над мудрецом.⁴

Лила толкнула Доктора.

— Почему они издеваются над Сократом? — прошептала она. — Он несомненно убил бы их за это.

Доктор покачал головой.

— Ты упускаешь главную идею нашего пребывания здесь, — сказал он. — Эти люди разработали социальную систему, которая достаточно стабильна, чтобы выдержать сатиру.

— Это сатира?

Доктор поколебался.

— Технически — нет. Она будет дальше.

Лила вздохнула:

— Я не понимаю.

— Сократ мудрый человек, но у него нет официальной власти в городе. Он представляет интеллигенцию, — Доктор заметил непонимающее лицо Лилы. — Аристофан высмеивает людей, трятащих всё своё время на размышления.

— О чём? О способах обороны города? Об обрядах для богов?

⁴ Лила и Доктор смотрят комедию Аристофана «Облака».

Доктор пожевал нижнюю губу.

— Похоже, что это оказалось сложнее, чем я думал,
— он наклонился к Лиле. — Тебе здесь не нравится?

Лила пожала плечами:

— Я не понимаю, почему эти люди смеются.

Доктор встал:

— Ладно, пойдём. Тебе нужно осмотреться в Афинах, прежде чем до тебя, эм, дойдёт.

— Дойдёт кто? — сказала Лила, когда они шли по проходу, а позади них продолжалась покинутая ими пьеса.

Несмотря на свое замешательство, Лила потихоньку расслаблялась, следя за Доктором от театра и прогуливаясь с ним недалеко от центра города. Большой двор был окружен россыпью белоколонных зданий, схожих по оформлению, но гораздо меньше тех, которые были на вершине холма. Люди всех возрастов, в том числе большое число девочек и женщин, что обрадовало Лилу, шли, разговаривая друг с другом. Здесь была непринужденная, приятная атмосфера праздника, а поскольку время было позднее, отовсюду раздавались добродушные пьяные возгласы и смех.

В центре двора, который Доктор назвал агорой⁵, он достал из своего кармана помятый лист бумаги, будто выданный из книги, и осмотрел его при свете

5 Агора — рыночная площадь в древнегреческих городах, являвшаяся местом общегражданских собраний.

ближайшего факела. Он провёл по нему своим костлявым пальцем.

— Итак, люди, которых мы ищем, должны быть... — он ткнул в определенное направлением между двумя переулками, — там. Мимо Пёстрой Стоа⁶ и налево к башмачнику Симону.

Пока они шли, Лила спросила:

— Доктор, ты здесь уже бывал раньше?

— Всегда хотел, — ответил он. — Но всякого рода обстоятельства — обычно зелёные, волосатые обстоятельства — вставали на пути.

— Что случилось с этими умными людьми? Они покорили и стали править Землёй? — спросила Лила.

— Э, — Доктор закашлялся. — Нет, сначала спартанцы, потом римляне — я рассказывал тебе о них — завоевали Афины. Это место стало довольно незначительным спутником Римской империи.

— А ты говоришь, что они умные! — воскликнула Лила.

Доктор остановился перед домом, предварительно еще раз сверившись с картой и наградив её взглядом, который Лила не смогла понять.

— Принципы государственного управления, развившиеся здесь, повлияли на всю историю человечества. Позволили человечеству сотрудничать и сосуществовать и в конце концов выйти в космос.

⁶ Стоа — длинная галерея-портик, обычно с одним-двумя рядами колонн и со стеной по одной из длинных сторон; крытая колоннада. В Афинах была особенно известна украшенная росписями Пёстрая Стоа.

Теперь Лила была ещё сильнее озадачена, чем прежде.

— Но они были завоёваны, — запротестовала она.

— Но не уничтожены. Ценность их культуры была общепризнана и используется в политических системах спустя тысячи лет.

— А вот ты не берёшь уроки у побеждённых, Доктор, — сказала Лила с превосходством во взгляде.

Доктор, непривычно для себя, придинулся к ней очень близко и прошептал:

— Знаешь, что?

— Что?

— Иногда ты можешь быть очень мрачной.

Лила моргнула.

— О...

Она не знала, как на это отреагировать. Но она подумала — Доктор советовал ей делать это почаще — и пришла к выводу, что это высказывание не лишено смысла.

Доктор повернулся к деревянной двери очень большого дома, стоявшего позади них, и энергично постучал.

— Мы идём на вечеринку, — сказал он, неожиданно улыбнувшись вновь.

— Но нас не пригласили, — сказала Лила.

— Они не будут возражать против незванных гостей, — сказал Доктор с уверенностью, которой Лила научилась не доверять. Она невольно дотронулась до ножа, который спрятала под одеждой.

Распахнулась дверь, явив смущённого вида человека лет пятидесяти, с морщинистым лицом.

Прежде чем он успел заговорить, Доктор скинул шляпу, шарф и пальто и сунул их в руки мужчине.

— Привет, — радостно сказал Доктор. — Извините, мы опоздали, ужасные пробки у Пникса⁷. Вам нужна хорошая односторонняя система.

Он указал вперёд:

— Сюда, не так ли?

Лила прошла за ним мимо слуги.

— Это владелец дома?

— Нет, это был раб, — сказал Доктор.

Лила моргнула. Она не знала этого слова.

— Раб?

Доктор остановился перед другой деревянной дверью, слева по коридору. Он приложил ухо к двери.

— Похоже, мы на месте.

Без стука, Доктор распахнул дверь и ввалился внутрь. Это позволило Лиле оценить развернувшуюся перед ней картину. Комната была средних размеров, с красиво оформленным мозаичным полом, отделанным белым и синим геометрическим узором. Вдоль стен стояли шесть или семь деревянных рам, как кровати, с полосатыми подушками и покрывалами на них. На кушетках возлежали шесть мужчин разного возраста, одетые только в нижнюю часть афинского одеяния, они дегустировали еду и напитки из чаш, стоящих на низких деревянных столиках перед ними. Они вместе разговаривали и смеялись. Также здесь были другие

⁷ Пникс — невысокий и небольшой по площади каменистый холм в центре Афин, расположенный недалеко от западного склона холма Акрополя.

слуги, или, как назвал их Доктор, рабы, которые выносили из подсобки вино в кувшинах и свежие блюда.

Один из мужчин, высокий, красивый и довольно молодой, взглянул на вновь прибывших, и хлопнул в ладони.

— А, — воскликнул он. — Развлечения. Девушку вперёд.

Другие мужчины также заинтересовано перешёпотывались, и Лила почувствовала себя в центре их пристального внимания.

— Я никакое не развлечение, — яростно сказала она.

Мужчина выглядел озадаченным и Доктор ловко вмешался.

— Нет, боюсь, мы просто путешественники, прибывшие на праздник. Один из жрецов направил нас сюда, сказав, что у вас хорошая вечеринка.

Когда они удивленно переглянулись, он прочистил гордо и добавил:

— И он сказал, что вы, Анаксимандр, известны своим гомерическим уровнем гостеприимства.

Доктор, судя по всему, не прогадал с фразой. Молодой человек поднялся и сердечно похлопал его по плечу.

— Принимать вас — большая честь.

Он хлопнул в ладоши и сказал рабам:

— Принесите еды и вина нашим гостям.

Рабы вышли, опустив взгляд.

Лила и Доктор сели рядом с хозяином — Анаксимандром.

— Прежде всего, я хочу узнать кто же мои желанные гости?

— Что ж, — сказал Доктор. — Я Доктор. А это моя жена Лила.

— Жена? — воскликнула Лила.

Мужчин развеселило её негодование.

Доктор сказал громким шёпотом:

— Не обращайте внимания, она же из Спарты.

Что бы это ни значило, но эта фраза вызвала у гостей интерес. Один из них, серьезного вида мужчина лет пятидесяти, подался вперёд:

— Вы взяли в жёны спартанку?

Доктор пожал плечами:

— Скорее она взяла меня в мужья.

Мужчина приблизился, с интересом рассматривая Лилу.

— А правда, что спартанок обучаю как воинов?

Он легонько ткнул в неё пальцем, и она инстинктивно нахмурилась.

— Тронешь меня ещё раз, и я сверну тебе шею, — холодно сказала Лила. К её удивлению и ярости мужчин это только развеселило.

— Похоже, что это правда! — сказал Анаксимандр.

— Боюсь представить, какой же должна быть у неё мать, — пошутил другой афинянин, узколицый молодой человек с расслабленным насмешливым выражением лица.

— Теперь ваша очередь представиться, — сказал Доктор.

Анаксимандр кивнул.

— Конечно. Простите мою грубость. Это Аристофан, — сказал он, указывая на шутника.

Доктор улыбнулся.

— Здравствуйте. Мы прямо с вашей постановки.

Аристофан вежливо улыбнулся, казалось, что он привык слышать от людей подобное.

— Неужели. Надеюсь, что вам понравилось.

— Нам очень понравилось, не так ли, Лила?

— Я ничего не поняла, — прямо сказала Лила.

— Я так и думал, — сказал Аристофан. — Когда спартанцы начнут понимать мои работы, я навсегда распрощаюсь со стилем.

Анаксимандр представил другого мужчину, того самого, кто ткнул пальцем в Лилу.

— А это лауреат сегодняшней премии со своей трагедией «Филоктет» — Эврипид.

Доктор тепло пожал его руку.

— Штаны Эврипида, вы почините эти штаны⁸... — пробормотал он.

— Прошу прощения? — сказал Эврипид.

⁸ В оригинале «Euripides trousers, you mend these trousers...». Существует шутка про грека, приходящего к портному. Портной говорит: — Euripides trousers? («Штаны Эврипида?») Грек отвечает: — Eumenides trousers. («Штаны Эвменид», Эвмениды или эрнии — богини мести (см. трагедию Эсхила «Орестея»)) Дело в том, что Euripides произносится как You-rip-a-these (Вы порвали эти), а Eumenides как You-mend-a-these (Вы почините эти). В итоге диалог превращается в: — Вы порвали эти штаны? — Вы почините эти штаны.

— Нет, ничего, — сказал Доктор.

— А здесь у нас, — сказал Анаксимандр, подходя к оставшимся мужчинам, — Платон и Сократ, конечно же.

Доктор тепло поздоровался с Платоном, худым, немного нервным, с большим носом и широкими плечами. Лила посмотрела на другого — Сократа-мудреца. Он был очень низким, невероятно уродливым, с расплющенным носом и поросячими глазками. Она с удивлением осознала, что та гротескная маска из постановки не была таким уж преувеличением. В отличие от других, его ноги были обнажёнными и грязными. У него были спутанные волосы, и даже с такого расстояния она чувствовала его плохой запах изо рта.

— Я не понимаю, — сказала она. — Ты мудрец этого племени, но сидишь и ешь с теми, кто насмеивается над тобой.

Сократ пожал плечами.

— Почему это должно беспокоить меня? Это неважно.

— В моём племени те, кто издеваются над мудрецом, изгоняются.

Сократ, заинтересовавшись, подался вперёд.

— И к чему это приводит?

Прежде чем Лила смогла ответить, раздался странный стрекот. Анаксимандр испуганно оглянулся.

— Какой странный крик. Никогда прежде не слышал, чтобы птицы так пели.

Эврипид выглядел обеспокоенным.

— Новая птица появилась в Афинах. Что это может означать?

— О, опять, — вздохнул Аристофан. — Несомненно это посланник Ареса или ещё кого-то, предупреждающий о неизбежной гибели и бедствии для всех Афин.

Внезапно гул прекратился. Только Лила заметила, как в этот же самый момент рука Доктора выскользнула из жилетного кармана.

Сократ встал.

— Прошу прощения, — сказал он со странной подавленностью в голосе. — Я должен уйти.

Платон нахмурился.

— Почему? Вечеринка только началось, а эти двое выглядят так, словно могут рассказать нам пару историй.

— Я должен уйти, — повторил Сократ.

Он проскользнул мимо Доктора и Лилы и поспешил прочь из дома.

Анаксимандр указал Доктору и Лиле на место Сократа.

— Присаживайтесь. Очень сожалею из-за Сократа, обычно он никогда не упускает шанса выпить.

— Спорим, я знаю, что это, — сухо сказал Аристофан. — Какая-то новая чудесная мысль посетила его, и он ушёл, чтобы лечь в грязь и размышлять над ней.

— Или, возможно, это была птица, — сказал Эврипид. — Странный крик обеспокоил его.

— Это обеспокоило и меня, — прошептал Доктор Лиле под шумок разговора.

— Не бойся, Доктор. Я защищу тебя.

Доктор уставился на неё.

— Боюсь? Я не боюсь. Я просто раздражён. Это всё моя судьба. Вот мы сидим среди величайших умов планеты, а тут срабатывает мой суб-плазматический лучевой индикатор.

Он вновь тайком сунул руку в карман, склонился ближе к Лиле.

— Оставайся здесь и попробуй узнать что-нибудь у этих людей.

— Нет, — запротестовала Лила, но Доктор был уже на ногах.

Он покашлял и обратился к Анаксимандру.

— Простите, не могли бы вы проводить меня, э, в мужскую комнату?

Анаксимандр был озадачен.

— Мальчики придут чуть поздней. Один из них, коринфский флейтист, пальчики оближешь...

— Нет, нет, вы не поняли, — поспешил сказать Доктор. — Я имел ввиду туалет. Уборная? Э, отхожее место?

Лицо Анаксимандра прояснилось.

— Ох, да.

Он указал на дверь.

— Вторая справа.

— Спасибо, — сказал Доктор. — Вернусь через мгновение.

С многозначительным взглядом, обращенным к Лиле, он поспешил прочь.

Лила была зла и расстроена. В отсутствии Доктора, мужчины тут же начали разговор на тему любви. Она с трудом понимала хоть слово. Для неё эти мужчины не выглядели как гении. Они казались праздными и

испорченными, а их слова зачастую были грязными и смущающими. Через пять минут она приняла решение и встала.

— Я тоже должна воспользоваться мужской комнатой, — сказала Лила.

Казалось, никто из мужчин не знал, что ответить на это, так что она быстро вышла. Шарф и пальто Доктора пропали с кольшака, на который их повесил раб. Лила кивнула и вышла из дома в ночь.

Лила предположила, что Доктор последует за Сократом. Её охотничий инстинкт, который Доктор высмеивал как дикость, казался куда более практичным, чем всё то, что вы могли бы узнать от таких мужчин, которых она оставила позади. Втайне Лила подозревала, что Доктор просто воспользовался её «уроком истории» как предлогом, чтобы самому насладиться походом на представление и разговорами о глупостях.

Она скользнула вниз по улице. По всему городу проходили и другие вечеринки, и она несколько раз отказывалась от приглашений прохожих. Люди часто пялились на неё, и Лила рассудила, что им было удивительно видеть идущую саму по себе женщину ночью. В своих путешествиях с Доктором она с тревогой обнаружила, что во многих местах девочки и женщины ведут себя как маленькие дети, и относятся к ним соответствующе.

Она поняла, что на правильном пути, когда заметила край шарфа Доктора, только что исчезнувшего за углом. Сейчас они были близ окраины города, приближаясь к великой стене, что окружала его. Лила

держалась на разумном расстоянии, стараясь не выдать себя до последнего момента. Но это не было необходимо. Только свернув за угол, она влетела прямо в Доктора.

Он яростно прошипел «Шшш!» и пригнул её к земле. Лила посмотрела вверх и увидела, что в сотне ярдов впереди них на неровной почве, стоял лицом к городской стене Сократ. Он был неподвижен, его лицо выглядело так, словно он спал.

Доктор попытался что-то сказать. Лила оборвала его.

— Ты должна была оставаться на месте, — сказали они одновременно.

Доктор покачал головой.

— Я веду безуспешную борьбу с тобой.

Лила вернулась к Сократу.

— Что с ним, Доктор? — спросила она. — Это как-то связано с тем странным птичьим криком?

Лила ахнула:

— Может это зов дьявола?

— Глупости.

Доктор достал небольшое механическое устройство.

— Это «зов» вот этой штуковины.

— Суб-плазматического лучевого индикатора? — сказала Лила.

— Да.

Доктор моргнул и растерянно уставился на Лилу.

— Да.

— А что такое эти суб-плазматические лучи?

— Ну, — небрежно бросил Доктор, — это своего рода радиочастоты.

— И что?

— И что?!

Доктор кашлянул с притворным возмущением.

— Этому неоткуда взяться здесь, на Земле, по крайней мере в течение ближайшей пары тысячелетий.

Увидев непонимающее лицо Лилы, он добавил:

— Они ещё не изобрели радио.

— А я думала, что они изобрели всё, — обижено сказала Лила.

Доктор снова шикнул на неё, а тем временем неземное зелёное свечение стало заливать стену перед спящим Сократом

— Что происходит? — спросила Лила.

— Молекулярная перестройка, — ответил Доктор.

Лила, ничего не поняв из объяснений Доктора, смотрела, как Сократ шёл вперёд сквозь зелёное свечение.

— Быстро! — прокричал Доктор.

Он схватил Лилу за руку, и они побежали прямо в зелёное свечение, которое потихоньку исчезало.

Лила почувствовала, как воздух вокруг неё дрожит и затвердевает. Появилось тошнотворное ноющее ощущение, будто стена вокруг неё перестраивается, а затем она с Доктором вышли на свежий воздух. Сократ был немного впереди них, целеустремлённо шагая к небольшому холму, покрытому деревьями.

Лила обернулась и увидела стену целой.

— Мы прошли сквозь неё! — воскликнула она. — Как такое может быть?

— Это очень просто, если у тебя есть атомный трансформатор, — сказал Доктор.

— Афиняне изобрели его?

— Нет, — сухово ответил Доктор. — Похоже на работу внеземного разума.

Лила инстинктивно выхватила свой нож.

— Пришельцы! Так и знала!

— Нет, не знала, — сказал Доктор, спускаясь с холма вслед за Сократом.

— Мы должны выследить и уничтожить их! — сказала Лила. Она наконец-то была в своей стихии.

— Мы не должны, — сказал Доктор и неожиданно нож оказался в его руке.

— Я сказал тебе не носить это. Ножи нужны, чтобы резать лук, а не людей. Хорошо, что твои люди не изобрели ножницы, вы все были бы ослеплены ко времени вечернего чая.

Он положил нож в карман.

— Вечно ты всё запрещаешь, — запротестовала Лила.

Они преследовали Сократа около четверти часа, пробираясь сквозь плотную лесную чащу. Лила, чтобы не спугнуть «добычу», изо всех сил старалась не шуметь. Доктор же продирался через листву рядом с ней, казалось, что он не собирается работать по-тихому.

Наконец они добрались до поляны на вершине холма. Они были в тени, когда невероятное зрелище предстало перед ними.

Сократ стоял перед тем, что выглядело для Лилы как куча обгорелых металлических предметов. Позади него был большой металлический предмет цилиндрической формы, разорванный на несколько частей.

— Разбившийся звездолёт, Доктор, — прошептала она.

— Молодец, — сказал он.

Они наблюдали за Сократом, который взял инструмент необычной формы из кучи странных штуковин и начал работать над повреждённой конструкцией.

— Что он делает?

— Судя по этим инструментам, быструю починку, — сказал Доктор.

Лила изо всех сил пыталась понять.

— Но это же инопланетный звездолёт, как Сократ, который ничего не знает даже про радио, может ремонтировать его?

— Это я и хочу выяснить, — сказал Доктор.

Он начал подбираться ближе, но затем обернулся и прошептал:

— Ты останешься где... — он осёкся. — Ох, какой в этом смысл? Вперёд.

Они постепенно продвигались в открытую, Лила чувствовала себя уязвимой без ножа. Она не доверяла и никогда не понимала этой политики Доктора — оставаться безоружным в случае опасности. Она заметила, что он всегда выглядел так, словно он способен изменить ситуацию своей мудростью и сверхъестественным количеством удачи. Но она была уверена, что в один прекрасный день удача кончится.

Доктор близко подошел к Сократу, но старый афинянин не отреагировал. Доктор махнул рукой перед глазами Сократа, но безрезультатно.

— Инопланетяне наложили на него заклятье, — сказала Лила. Она тут же пожалела о своих словах.

— Я имела ввиду, что они использовали науку, чтобы контролировать его.

— Прекрасно, — кратко сказал Доктор. Он посмотрел на разложенные перед Сократом обломки.

— Это основные компоненты довольно примитивного гипер-зайсонного двигателя. Смотри, тут даже есть фланец обратного привода.

— Ага, — сказала Лила, надеясь, что это подбодрит Доктора.

— Очень неудобная штука, — пробормотал Доктор задумчиво. Он подобрал маленький блок.

— Требуется квалифицированный инженер для такой работы, а не старый философ, хоть и блестящий.

Лила, как всегда, почувствовала опасность за мгновение до её наступления. Используя всю свою силу, она повалила Доктора на землю за долю секунды до того, как поразительно яркий зелёный луч, пульсирующий в липком летнем воздухе, врезался в то место, где он стоял. К счастью, Доктор с Лилой упали за те огромные металлические предметы, которые Доктор назвал гипер-зайсонным двигателем, ставшие для них подобием укрытия.

— Пришелец, — выдохнула Лила. — Если бы ты разрешил мне взять с собой оружие Тешей...

— Смотри, — сказал Доктор. — Я смогу уладить это мирным путём.

Он вытащил белый носовой платок из кармана, привязал его к палке и помахал им над краем металлической пластины.

— Привет? — сказал он. — Мы просто проходили мимо. Похоже, что у вас неисправен двигатель.

Лила услышала тяжелые шаги приближающегося пришельца.

— Жаль, что вы не состоите в Межгалактической Автомобильной Ассоциации, — продолжал Доктор. — Они могли бы по-быстрому прилететь сюда и забрать вас.

Шаги теперь перемежались тяжёлым дыханием. Лила приготовилась к броску.

— Лично я считаю, что не стоит этого делать, — сказал Доктор.

Их укрытие неожиданно сорвали. Лила раскрыла рот от удивления, когда увидела существо, нависшее над ними. По форме оно отдалённо напоминало человека, но было покрыто жёсткой зелёной кожей. Единственной узнаваемой чертой на его огромной голове были три светящихся красных глаза.

— Вы примитивы, — засипело оно.

— Э, вообще-то нет, — вскакивая, сказал Доктор.
— По крайней мере не я.

Существо вновь заговорило.

— Что вы можете знать о ... двигателе?

Доктор пожал плечами и наградил пришельца одной из своих ослепительных улыбок.

— Ну, я бы сказал, что это довольно неорганизованная работа, с которой нужно разобраться. Не могу даже представить, почему вы позволили бедному старику с этим возиться.

Существо подняло одну из трёх своих рук. Рука сжимала яйцевидное оружие.

— Вы не с этой планеты.

— Да, не с этой, — сказал Доктор.

Существо направило свой пистолет прямо на Доктора:

— Тогда ты должен помочь починить двигатель.

— Я так не думаю, — сказал Доктор. — Я имею в виду, нет ничего лучше, чем подать руку помощи, но, боюсь, я знаю слишком мало о гипер-зайсонной технологии. Не знал никого, кроме тех ужасных джезарков, кто бы использовал её.

Существо зашипело.

— Я Гrimmon из расы джезарков!

— Оу, — сказал Доктор. — Оу? Извините, я сказал ужасных джезарков? Я хотел сказать милых джезарков.

— Мой корабль потерпел крушение здесь, — продолжил Гrimmon.

— Сначала я думал, что улететь будет невозможно. Я пилот, а не инженер. Я не мог и надеяться починить повреждённые составляющие. Я отчаялся. Но затем я обнаружил это создание, — он указал на Сократа. — И послал суб-плазматический сигнал.

— А, — сказал Доктор. — Который, конечно, мог быть обнаружен только высокоразвитым мозгом.

— Этот человек — мутант, — сказал Гrimmon. — Его разум развился так сильно и так быстро, что намного опередил других из его вида. Я вызвал его сюда и подсоединил к центральной компьютерной базе данных своего корабля. Я не мог рисковать собственным мозгом в этой машине.

Доктор сглотнул.

— Вы соединили мозг Сократа с... с компьютером?
Это чудовищно опасно!

— Почему? Рабские существа часто подсоединяются, для простоты использования.

— Потому что конкретно это рабское существо, — сказал Доктор, — один из самых блестящих умов города, лежащего там внизу. Ему всё ещё нужно многое сделать. Он жизненно важное звено в культурном развитии этой планеты.

Гrimmon рассмеялся.

— Он лишь немного развитый примитив.

— Кроме того, — продолжал Доктор, — если мне не изменяет память, одним из многих недостатков гиперзайсонной технологии является то, что при взлёте корабль взрывает в пух и прах землю, на которой стоял.

— Это не важно, — сказал Гrimmon.

Доктор был в ужасе:

— Не важно? Взорвутся Афины, и культуру этой планеты отбросит назад, возможно, на даже на тысячи лет.

Он обернулся и посмотрел на город.

— И будет очень много мёртвых белых европейцев...

Гrimmon выглядел озадаченным, насколько могла судить Лила. Он указал на город.

— Это самый важный город на планете?

— Да, — ответила Лила, чувствуя, что она должна сказать это.

Гrimmon обнажил зубы, которые располагались на его груди, и разразился подобием икающего смеха.

— Если ваши слова — правда, то эта планета в разы незначительней, чем я представлял.

— Послушай, Гrimmon, — серьёзно сказал Доктор.

— Ты должен отключить Сократа от компьютера.

— А если я этого не сделаю? — спросил Гrimmon.

— Если ты этого не сделаешь, тогда... — и Доктор умолк.

— Не беспокойтесь, у вас достаточно времени, чтобы отойти на безопасное расстояние, — сказал Гrimmon. — Ремонтные работы почти завешены.

Доктор пожал плечами, улыбнулся и сказал:

— Что ж, раз всё в порядке, продолжайте. В конце концов, что такое пара тысяч лет истории человечества?

Лила была озадачена. Это так не похоже на Доктора: предать столь сильно восхищавших его людей из-за какого-то пришельца.

— Я рад, что вы поняли, — сказал Гrimmon, опустив оружие.

Как только он сделал это, Доктор бросился вперёд. Лила тут же инстинктивно выбила оружие из руки Гrimmona. Доктор тем временем вытащил из кармана Лилы нож и схватил Гrimmona. Поначалу он прижал нож к нижней части головы, но осознав ошибку, опустил его к горлу, которое находилось посреди живота пришельца.

— Хорошо, — сказал он неуверенно. — Боюсь, я не могу позволить тебе сделать это. Лила, отведи Сократа обратно в город.

Лила послушалась, таща прочь растерянного старого философа.

— Я присоединюсь к тебе позже, — крикнул Доктор. — Только проясню пару вещей.

Лила вела ошеломлённого Сократа в город. На этот раз они должны были пройти через одни из главных ворот, но к счастью солдаты, охраняющие вход, узнали Сократа и стали смеяться над ним. Лила потащила старика к ТАРДИС, предполагая, что Доктор встретится там с ней.

Пока они ждали, наступил рассвет. К Сократу, казалось, возвращаются чувства, он оглядывался с возрастающим замешательством. Он посмотрел на свои руки.

— Что я тут делаю? — пробормотал он. — И кто вы?

— Мы спасли тебя от пришельца Гrimмона, — сказала Лила.

Сократ кивнул, память возвращалась к нему.

— Ах, да, спартанка... Я был у Анаксимандра...

— Ты мудрейший человек в Афинах, — сказала Лила. — Город нуждается в тебе.

— Это, безусловно, правда! — крикнул знакомый голос. Лила была рада увидеть шагающего к ним навстречу Доктора, обмахивавшегося шляпой от утренней жары. Он подошёл и хлопнул Сократа по плечу.

— А теперь послушайтесь моего совета — быстренько уходите и занимайтесь своей философией. И старайтесь держаться подальше от неприятностей.

Сократ, совершенно растеряно, посмотрел между ними и побрёл прочь.

Доктор печально покачал головой.

— Конечно же, он не послушается. Он умрёт от болиголова и неважно, что мы скажем или сделаем.

— Болиголов? Ещё одни инопланетяне?

— Нет, — пренебрежительно ответил Доктор. — Он пошёл по кривой дорожке, был предан суду и казнён. За отказ признавать богов.

Он улыбнулся Лиле.

— Вы немного похожи в этом.

Он резко моргнул.

— Боже мой. Останься ты с ним на продолжительное время, ты бы могла сделаться величайшим умом этой планеты.

Внезапно налетел сильный порыв ветра — Лила прикрыла глаза от взмывшей за пределы городской стены яркой кометообразной вспышки света.

— А вот и Гrimmon, — сказал Доктор.

Лила была озадачена.

— Но я была уверена, что ты убил его, Доктор.

— Нет.

— Но нож...

Доктор вынул его и посмотрел.

— Я конфискую его. И предупреждаю, что если ты попытаешься ещё кого-нибудь убить на этой неделе, то не получишь больше мармеладок.

— Но что ты сделал? — потребовала ответа Лила.

— Всё просто, — сказал Доктор. — Угрозы применения силы было достаточно. Я перепрограммировал его двигатель на использование матричной формулы, избежав тем самым возникновения зайдонного эффекта. Он возвратится к своему флоту, а Афины смогут вернуться к своим делам. Это то, что мы

в дипломатии называем ситуацией «победитель-победитель».

Он повернулся к дверям ТАРДИС.

— Мы улетаем?

— Да, — ответил Доктор. — Вот в чём проблема с подобными местами.

— В чём?

— Ну, каждый второй встречный — важная историческая фигура. Ты не можешь даже завалиться на вечеринку без риска нарушить причинность человеческих достижений. К тому же здесь слегка воняет.

Он вставил ключ в замок ТАРДИС, и, намереваясь войти, споткнулся о свой шарф и ударился носом о дверь. Лила разразилась смехом.

— Ничего смешного, — сурово сказал он, потирая нос.

— Смешно.

— Нет.

— Уж точно посмешнее, чем в той паршивенькой пьесе, — проворчала Лила.

ЕВТЕРПА: муза музыки

«Преждевременная увертюра»

Саймон Герье

Перевод Shadowcat

Редактор Mary SmithZ

— Разрешите мне рассказать о фрагменте, над которым я сейчас работаю, — сказал Исаак, налив себе еще один бокал вина.

Репортёр и её ассистент не выглядели довольными. Исаак очень хорошо знал, что занял уже двадцать минут их времени и ответил только на три вопроса. Но он наслаждался вниманием. Раньше он не понимал, как здорово быть услышанным, иметь аудиторию. И девушка-репортер была симпатичной, в модном здесь строгом стиле. Глянцевые разделы газет, которые оставил кто-то из оркестра, говорили, что на западе велась глобальная борьба за права и признание женщин. На этот раз символизм его насмешил. Их тщательно продуманные костюмы — такие же удобные, как мужские — заставляли его задумываться о мрачно одетых матриархах дома. Что бы ни думали генералы, эти матери и незамужние тётки действительно управляли страной, у них была реальная власть.

— Будьте так добры, — сказала репортёр, с резкостью, которую Исаак решил не замечать.

— Нет ничего хуже, чем обнаружить кусочек мелодии в своей голове, — сказал он. — Ты не знаешь, что это, или откуда он появился, этот фрагмент. И ты не можешь его вытряхнуть. Понимаете?

Репортёру хватило такта, чтобы соврать и согласиться, хотя её ассистент довольно явно зевнул. Мужчина также не скрывал своё мнение по поводу концерта. Он ничего не сказал, но его поведение говорило о том, что он провёл вечер, мысленно составляя список мест, в которых предпочёл бы оказаться. Он был представителем худшего вида любителей музыки — классическое образование, отличная осведомлённость и компенсация интеллектуальных недостатков нахальной манерностью. Всё интервью он вёл себя как скучающий капризный ребенок, осматривая комнату, разглядывая ногти, корча рожицы — всё, что угодно, только бы показать своё пренебрежение. Исаак старательно игнорировал его в ответ.

— Недовольство от незнания мелодии или наличия только дразнящего фрагмента заставляет меня работать. Этим фрагментом я был поглощён почти двадцать лет. У меня не было выбора. И я не могу искренне сказать, приблизился ли я к тому, что, кажется, слышал, или деформировал его во что-то новое и неузнаваемое. И моё собственное.

— Тогда вы не рискуете быть обвинённым в плагиате, — вежливо заметила репортёр.

— Посол, — продолжала она, просматривая свои записи, — Николай Фаро. Он считает, что произведение, над которым вы работаете, станет вашим шедевром.

Исаак скромно кивнул.

— Не мне об этом судить, правда?

— Фаро привёл вас сюда из-за того, что он увидел в рукописи, которую вы показали ему. Он считает, она достаточно хороша, чтобы вы получили паспорт. Мы ещё не говорили о вашей просьбе об убежище...

— Вы хорошо осведомлены.

— Фаро утверждает, что вам опасно оставаться на родине, что ваше благополучие скомпрометировано связями с революционными элементами. Это так?

— Как сказал сам доктор Фаро, музыкант должен иметь возможность обращаться ко всем людям, независимо от политических убеждений.

— Так это просто угроза вам, как знаменитости, на родине?

— Я не уверен, что назвал бы это угрозой, мисс Смит — зуб.

— А что насчет знаменитости?

— Что вы хотите сказать?

— Я говорила с несколькими людьми из вашей страны в эти несколько дней. Никто о вас не слышал. Почему?

— Дело в этом? — усмехнувшись, сказал он, искренне удивлённый. — Я недостаточно известен?

Ассистент репортёра пробормотал что-то вроде «недостаточно талантлив», едва скрыв замечание кашлем. Исаак, поражённый столь откровенным

хамством, позволил мисс Смит самостоятельно его вразумить.

— Доктор! — сказала она. — Ты пообещал хорошо себя вести.

— Это впустую потраченная поездка, Сара Джейн, — сказал он, даже и не подумав извиниться. — Ты обещала мне чужака. Я не осознавал, что ты столь ограничена.

Исаак проигнорировал попытки Сары извиниться. Он уставился на человека, который оказался не так прост. Исаак не мог поверить.

— Я знаю, кто вы, — сказал он. — Вы Доктор.

Мисс Смит переводила взгляд с одного из них на другого, пытаясь понять.

— Как? — спросила она.

Исаак не мог сдержать улыбку.

— Двадцать лет назад, — сказал он. — Я путешествовал с ним в ТАРДИС!

— Порой я не могу поверить в то, что тытворишь!

— Я не изменю своё решение, Сара Джейн. Я не могу! Это всё, что тебя беспокоит?

— Он, очевидно, убедил тебя в том, что говорит правду, иначе ты бы себя так не вёл.

Почему это ужасно? Вы двое — старые друзья!

— Он из моего будущего, Сара. Ты не понимаешь? Спутник того меня, которым я ещё не стал. Я не могу узнать, что со мной случится, не заранее. Это нанесёт огромный ущерб времени, причинности. Неужели ты не понимаешь?

Сара подумала, что понимает, но не может признать это, не сейчас. Она сидела молча, пока Доктор не вывез их на автостраду. Он наклонялся вперёд, пытаясь увидеть дорогу сквозь дождь, барабанящий по ветровому стеклу. Внутренне Сара старалась перестать злиться. Сражавшись всю дорогу от дверей концертного зала, она получила возможность перегруппироваться. Изменить стратегию.

— Ты всё ещё можешь попытаться помочь ему, — сказала она, более рассудительным голосом. — Тебе необязательно задавать ему вопросы. Вероятно, ты ему многим обязан.

Она сделала паузу, и, когда он не ответил, сказала то, на что он не мог не отреагировать.

— Он изгнан из-за путешествий с тобой.

— Конечно, — всё, что он ответил, поджав губы и уставившись на дорогу.

Этого было недостаточно. Исаак с таким облегчением увидел Доктора, узнал его. Он сказал, что вернулся на Землю в пятидесятых, покинув Доктора. Была замешана девушка, сказал он. Предположительно, из этого ничего не вышло. Не было никаких упоминаний о жене, ни в файле, ни в одном из интервью. И ещё до того, как он сказал, кто он, она была уверена, что он что-то скрывает. К этому вело всё её интервью.

Доктор, однако, бросился наружу и завёл машину. Он даже оставил бы её там, если бы она сразу же не выбежала за ним. Именно тогда она вышла из себя.

Если бы этого не произошло, если бы она могла трезво мыслить, Сара определённо заметила бы двух высоких мужчин в цилиндрах и серых костюмах на

дальней стороне дороги. Они ждали на улице, пока Доктор не уехал. Сара была бы заинтригована тем, как они стояли, высокие и неподвижные, как запоздавшие уличные артисты. Она бы отреагировала инстинктивно — что-то в них было неправильно. По меньшей мере, она бы проследила за ними через плечо, пока Доктор уезжал.

И увидела бы, что один из них прошёл в концертный зал, который только что покинули она и Доктор, где остался в одиночестве Исаак. Второй серый человек стоял снаружи и осматривался. Сара оценила бы его с первого взгляда: профессиональный, прилизанный, смертоносный.

Первым делом на следующее утро Доктор присоединился к Бригадиру Летбридж-Стюарту за завтраком. Они сидели за столиком в офисе Бригадира далеко от рабочего стола.

День начался ярко после дождя прошлой ночью, вид из окна был свежим и зелёным. Нигде не было такого завтрака, как в штабе ЮНИТ. Это было одной из привилегий работы здесь, и Бригадир редко пропускал ритуал. Во время еды он обычно читал газету или даже роман. Что угодно не по работе. Сегодня он сделал исключение, чтобы выслушать всё о последнем происшествии Доктора.

— Ты определённо знаешь, как обращаться с наёмными работниками, да, Доктор? — весело поддразнил он, когда его ввели в курс дел. — Что ты с ними делаешь? Взять хоть недавние приключения мисс Грант — миссис Джонс!

— Что? — переспросил Доктор, повернувшись к нему. — Джо в порядке?

— Сейчас да, насколько мне известно, — сказал Бригадир, потянувшись за ещё одним тостом. — Справилась самостоятельно. Результат тренировок ЮНИТА, на мой взгляд. В любом случае, она обо всём расскажет в письме. Я иногда заранее получаю порцию слухов из телеграмм, которые присыпает компания её мужа. Однако, местные думают, что это из-за твоего кристалла, и Джо хочет от него избавиться. Его должны доставить сюда со дня на день.⁹

Доктор уже потерял интерес или не хотел говорить о Джо. Он всё ещё болезненно реагировал, даже после всех этих месяцев. Репортёр, конечно же, оказала тонизирующее воздействие. То, что нужно, чтобы расшевелить его, заставить перестать хандрить. И это последнее происшествие тоже её рук дело. Он мог на это поставить.

— Этот парень, композитор, — сказал Бригадир, возвращая разговор в нужное русло. — Ты должен понимать, насколько необычно для ЮНИТ участвовать в разрешении иммиграционных вопросов.

— Есть вероятность, что Исаак — британский гражданин, — натянуто произнёс Доктор. Он встал не с той ноги. — Или был им. Или станет.

— Так ты знаешь о его прошлом? Мисс Смит сказала...

⁹ Последующие события показаны в серии «Планета пауков» (прим.пер.)

— Неважно, что она сказала, и нет, я не знаю, — отрезал Доктор. — Его с головой выдаёт акцент, Бригадир.

— Его акцент.

— Он сохранил английское произношение некоторых слов. Настоящему иностранцу, если ты извинишь мне этот термин, пришлось бы прожить в Англии или среди англоговорящих годы, чтобы выработать его. Я бы предположил Хэмпшир, но определённо одно из ближних графств. Любой надлежащим образом квалифицированный лингвист заметил бы это за милю.

Доктор улыбнулся, впервые за утро.

— Можно проверить его на врождённую английскость.

— Хорошо, — ответил Бригадир. — Но этого может быть недостаточно, и я не уверен, почему ЮНИТ стоит беспокоиться насчёт...

— ЮНИТ стоит «беспокоиться» насчёт него, — прервал Доктор, — потому что, если он будет моим спутником — а я не сомневаюсь, что будет, или был — он уполномоченный оперативник ЮНИТ. Я обязан ему, потому что он попал в мои приключения и, если только моё будущее воплощение не решило стать злодеем, как Мастер, я гарантирую, что Исаак помог избавить Землю от проблем. Более одного раза.

— Хорошо, — сказал Бригадир, подняв руки.

Он давно уже понял, как бесполезно спорить с Доктором. Тот бывал вспыльчивым и важничающим чаще, чем неправым.

— Придумаю что-нибудь о необходимости привлечь его как специального консультанта. Раньше это срабатывало.

Доктор не забыл поблагодарить прежде, чем уйти.

Примерно в то же время Сара закрыла свою Эм Джи¹⁰ и пересекла дорогу, подойдя к небольшой квартире, в которой жил Исаак. Он открыл дверь, хмельной, бледный и небритый, одетый в невзрачный старый халат. Она вытащила его из постели. Когда она видела его прошлым вечером, дирижировавшего оркестром, он казался обычным, безликим. Тогда он был в чёрном галстуке. Теперь он выглядел даже хуже. Ему было под шестьдесят, он был невысок и больше не строен. Волосы, которые у него ещё оставались, седели так, что это выглядело неряшливо. Она не могла представить его молодым, полным энергии и бесстрашным, как он и Доктор сражались с далеками. Эти дни давно прошли.

Он не казался удивлённым её приездом, но и не был особо рад. Он покорно пригласил её на чай.

— Ожидал ли он извинений? — спросила она, когда они шли к кухне. — Он этого хотел?

— Нет, — ответил он, он знал, что у неё ещё остались вопросы.

— В конце концов, вы журналист, — сказал он. — Человек из будущего — это сенсация.

— Дело не в этом, — сказала она, желая подружиться. — Прошлым вечером вы упомянули

¹⁰ Марка автомобиля (прим.пер.)

некоторые вещи, которые меня взволновали. У меня есть еще несколько вопросов.

— Понимаю, — осторожно произнёс он.

Она заметила, что он продолжал выглядывать из окна. Сейчас она поняла, что он осторожно открывал входную дверь. Думал ли он, что она привезёт Доктора?

— Я больше заинтересована в вашем будущем, — мягко сказала она.

Она должна была убедить его, что она на его стороне. Так оно, конечно, и было.

— Вчера вы пытались сказать что-то Доктору прошлым вечером.

Исаак сел с чаем. Возможно, дело в утреннем свете, но прошлой ночью она не видела темных кругов под его глазами. Он действительно изменился к худшему.

— Доктор прав, — со вздохом произнёс он. — Я не могу рассказать вам что-либо о том, что произойдёт с ним. Как мы встретились, чем занимались. Ничего такого.

— Вы это пытались сказать ему? Что-то о его будущем?

— Мне не следовало даже пробовать. Я знаю правила так же, как и вы.

— Даже если так...

Но он определённо принял решение — и, судя его поношенному виду, это заняло у него всю ночь. Она понимала, что не может принудить его изменить решение.

— Хотя есть что-то, что вы можете для меня сделать, — сказал он.

— Что угодно.

Он на мгновение задержал на ней взгляд, вновь принимая сложное решение. Очевидно, он решил, что стоило рискнуть, и опустился на колени. Он с лёгкостью потянул плинтус из-под кухонных шкафов. Длинная доска из замаскированного под дерево пластика легко отошла, и Исаак начал рыться в дыре. Он вытащил большой коричневый конверт, жёсткий, какие сама Сара использовала для отправки рукописей. Побитые углы говорили о том, что он много путешествовал. Исаак встал (она отвернулась, пока он поправлял халат) и передал ей конверт, этот важный секрет.

— Ну же, — произнёс он со странным видом.

Конверт был открыт, закрывающая печать отклеилась. Сара осторожно вытащила из конверта пачку страниц. Там, вероятно, было всего пятьдесят-шестьдесят листов. Она понимала, что там были несколько пачек плотной бумаги, и некоторые бумаги были немного другого размера. Он сказал, что у него ушло двадцать лет на то, чтобы собрать это. Она взглянула на первую страницу, на то, что он написал.

— Я не умею читать ноты, — сказала она, не уверенная, почему она чувствует себя так неловко.

Исааку её признание, очевидно, причинило боль. Ему было непросто поделиться с ней.

— Вероятно, это к лучшему, — сказал он, но его слова звучали безжизненно и опустошённо.

Сара осторожно вернула его работу в конверт, но он не взял его.

— Придержите его для меня? — спросил он. — Убедитесь, что он уцелеет.

Больше он ничего не сказал. Она не могла и слова из него выудить, и он вдруг начал оправдываться, что у него другие дела, долг перед оркестром и всё такое. Она знала, что это оправдание — если расписание было столь плотным, он уже встал бы и был одет к тому моменту, когда она приехала. Но он, очевидно, не хотел, чтобы она здесь оставалась, и она не собиралась на него давить. Она вернётся, когда усилит свои позиции. Она найдёт кого-то, чтобы взглянуть на ноты. Может, она поговорит с Николаем Фаро, послом, который нашёл Исаака, самостоятельно. Есть что-то, должно быть что-то, что его заинтересует.

Он оживлённо провёл её до двери, внезапно взял за руку и потряс её. Теперь он действительно нервничал, полный испуга, постоянно оглядываясь через плечо.

— Я позабочусь об этом, — сказала она ему, прижав конверт свободной рукой, — И вы будете в порядке, — добавила она.

К тому времени, как она добралась в ЮНИТ, Исаак уже был мёртв.

Бригадир сам отвёз её в полицейский участок, стремясь оказать поддержку. Он мог поручить это кому-то, вероятно, ему следовало это сделать, но он всегда был человеком действия, и это позволяло сбежать от бумажной работы. Мисс Смит казалось, была благодарна за идею. Конечно, возможно, она просто ценила возможность убраться подальше от Доктора. Он не умел говорить правильные вещи. Он мог говорить так безразлично.

В машине и в приёмной они сидели в дружеском молчании, отдавая дань уважения и Исааку, и друг другу. Когда офицеры увезли Сару в комнату для допросов, она удивила Бригадира, попросив его, просто и без суеты, подождать снаружи. Конечно, он поступил, как она просила, но это его беспокоило. Что, по её мнению, он собирался сделать? Он приехал ради неё, а не ради расследования. Что она не хотела дать ему услышать? Если Доктор окажется впутан во что-то, ему придётся с этим разбираться. Он был благодарен уже за то, что он не успел позвонить в иммиграционный отдел. Это просто ещё больше усугубило бы ситуацию.

Он заставил себя перестать смотреть на часы. Когда они, наконец, отпустили мисс Смит, он был погружён в изучение листовки о необходимости держать детей подальше от фейерверков (тиปично, подумал он, такие вещи видишь только в полицейских участках и госпиталях — когда уже слишком поздно). Несмотря на все её попытки казаться уверенной в себе, было видно, что она плакала. Поэтому она не хотела, чтобы он был здесь. Глупая девочка, ей не хотелось, чтобы он видел. По правде говоря, ему это нравилось.

— Он вызвал скорую, как только я уехала, — сказала она, когда они шли назад к машине. Она старалась, чтобы это звучало прозаично, как разведданные, будто для неё это не было ужасно. — Должно быть, он решился, когда я была там.

Бригадир подумал, что лучше всего подыграть её показной храбрости. Ей определённо не понравится, если он попытается её обнять, она неправильно всё поймёт. Лучше остаться в профессиональных рамках.

— Я связался с Доктором, — сказал он ей. — Он по-прежнему расстроен, как и все мы. Во всяком случае, он просмотрел те ноты, что ты дала ему, и он считает, что они важны. Говорит, что слышал что-то подобное. Он пытался напеть мне фрагмент по рации, но затем сказал, что там несколько разных мелодий звучат одновременно, и это необходимо должным образом поставить. В любом случае, я её не узнал.

— Полиция не сомневается, что это самоубийство.
— Сара пожала плечами — Они больше не думают, что тут есть, что расследовать. Теперь, когда они поговорили со мной, больше ничего не будет.

— Скажи это Доктору, — ответил Бригадир. — Теперь это его заинтересовало.

Николай Фаро был искренне расстроен произошедшим с Исааком и рад поговорить с кем-то, кто знал его. Приветствуя Доктора и его подругу-репортёра в своих роскошных комнатах в посольстве, он приложил все усилия, чтобы быть вежливым и любезным. Доктор, очевидно, хотел узнать о его друге, репортёр желала расширить интервью, взятое у Исаака, до полноразмерного очерка о жизни и работе несчастного. Оба явно намеревались спросить, почему Исаак так поступил, но их вопросы огибли эту тему. Либо они не решались открыто спорить с ним, либо не так уж хотели выяснить правду.

Он отвечал на задаваемые вопросы так открыто, как только мог. Он знал Исаака всего год или около того, но имя Доктора всплывало несколько раз, и Исаак говорил о нём с теплотой.

— Исаак, насколько я знаю, считал вас старшим братом, наставником, — сказал Фаро.

Он произнёс это как утешение, такого рода вещи говорят на похоронах близким покойного.

— Да, что ж, — ответил Доктор, ёрзая в кресле. При всём своём щегольском облике он, кажется, не любил привлекать внимание.

— Вы можете рассказать мне, как вы с Исааком познакомились? — спросила мисс Смит, аккуратно меняя тему.

— Он пришёл ко мне, — ответил Фаро. — Я дал интервью, в котором сказал, что надеюсь познакомить жителей Объединенного Королевства с нашим искусством и культурой. Мы подарили несколько памятников материальной культуры Британскому Музею для специальной выставки. Я сказал, в этом и заключается работа посла — выступать за нашу маленькую нацию, налаживать связи.

— Исаак связался с вами? — спросила мисс Смит.

— Да. Как я и сказал, около года назад.

— Вы знали, кто он такой? Его репутацию?

— Нет, раньше я о нём ничего не слышал.

— Но вы решили, что он достаточно хорош, чтобы привезти его сюда?

— Да. Он показал мне часть своих работ, и они меня впечатлили.

— И он попросил вас помочь выбраться из страны?

— Поэтому он пришел ко мне и дал послушать свою музыку, да. Он не хотел говорить о причинах, но я выяснил кое-что о нём. Конечно, я не знаю, насколько полезны будут вам эти сведения.

— Продолжайте, — сказала она.

— Дело о предоставлении ему убежища основано... было основано на угрозах, которые он, по его утверждению, получал. Я выяснил, что он занимал высокий пост в «Ul Esdaphro» — это означает «Повстанцы» — в пятидесятых. Некоторые источники утверждают, что он был правой рукой Эттина — который сверг правительство в 53, если вы не знаете нашей истории. Жена Исаака — она уже давно мертва — когда-то могла быть девушкой Эттина. Показания о тех временах сложно получить, и они противоречат друг другу, так что непросто выяснить, что действительно произошло, и кто какую роль сыграл в этом. Но Исаак чувствовал, что над ним что-то нависло, и отчаянно искал выход.

На этот раз вопрос задал Доктор.

— Могу я спросить, доктор Фаро, что такого выдающегося было в этой музыке?

— Меня впечатлила даже запись нот на бумаге, — ответил он. — Она казалась такой простой, такой элегантной, если следовать за одной партией за раз, но соединенные вместе они были такими... пространными.

— Она не показалась вам знакомой?

Доктор Фаро замолчал, слишком удивлённый, чтобы что-то сказать. Доктор самодовольно откинулся на спинку кресла. В разуме Фаро наталкивались друг на друга мысли. Как он мог быть так наивен, так слеп? Конечно, именно это привлекло его в той музыке. Часть её звенела в нём, будто он уже слышал раньше, как она играла. Или не совсем так. Она напоминала о чём-то

важном и давно забытом, эхо мелодии, дремлющей в его голове и всё ещё не осязаемой, даже когда он искал её.

— Я не знаю, о чём она мне напоминает, — сказал он. — Я бы не смог сказать, чью работу он копировал. Но да. Теперь, когда вы упомянули это, музыка Исаака...

Он вновь замолчал, его озарила ещё одна мысль.

— Этого не замечаешь, когда мелодия играет, — сказал он. — Но когда читаешь ноты с листа...

— Я так и думал, — просиял Доктор.

Он вскочил на ноги.

— Спасибо, доктор Фаро, вы нам очень помогли!

Он поспешил к выходу. У мисс Смит занял какое-то время сбор блокнота и ручки, очевидно, она была так же удивлена поведением Доктора, как и Фаро. Она также поблагодарила посла, спросив, может ли она позвонить вечером, чтобы уточнить пару деталей. К тому же она сказала, что утром пришлёт ему копию газеты, чтобы он мог увидеть, что она написала. Фаро сказал, что будет ждать этого.

Когда она выходила, он стоял у окна, глядя на оживлённую улицу. Доктор сидел за рулём своей поразительной машины, ёрзая от нетерпения, и ждал мисс Смит. Фаро смотрел, пока мисс Смит не появилась и не забралась не спеша в летающую тарелку. Она дразнила его.

Когда автомобиль развернулся на месте и со свистом унёсся вниз по дороге, Фаро задумался о разговоре, о том, к каким выводам он их привёл, что будет сказано в истории мисс Смит. Если вместе с

газетой она пришлёт свой номер, он перезвонит, подумал посол.

Но газета не вышла.

— Теперь это не имеет значения, — сказала Сара.

Она не разделяла убежденности Доктора в том, что со всем этим можно разобраться.

Бригадир провёл у телефона большую часть утра, стараясь дозвониться в министерство обороны, печати и вещания. Поскольку зачастую он сам лично давал им советы, то, что они не отвечали на его звонки, было нехорошим знаком. Сара и Доктор сидели в его офисе, тихо разговаривали и ждали какого-то прогресса. Очевидно, Бригадир наконец к кому-то пробился, и у него не было времени отвлекаться на всякие помехи. Он уже использовал своё служебное положение, напомнив, что значит ЮНИТ и какую значительную роль он играет.

— Это имеет значение, Сара, — сказал Доктор. — Если редактору сказали, что история подпадает под защитный пакт¹¹, это значит, они говорят об угрозе национальной безопасности. Кто-то значительный в армии или правительстве работает напрямую против нашего расследования. Кто-то, кому твой редактор готов поверить.

Сара пожала плечами. В чём бы ни была причина, её история погибла. Если бы она посоветовалась с

¹¹ В Великобритании — правительственный запрет на публикацию информации, являющуюся предметом национальной безопасности.

редактором прежде чем писать статью, она бы не потратила вечер зря.

Доктор, должно быть, догадался о причине по её жалкому виду.

— Мы отменим запрет, — заверил он её. — Твоя история будет рассказана.

Бригадира, очевидно, соединили с кем-то, кто мог ответить на его вопросы — и знал, какими будут вопросы. Он только начал говорить, когда собеседник прервал его. Бригадир слушал несколько минут, его лицо становилось всё серьёзнее.

А в это время Доктор становился всё нетерпеливее. Наконец он не выдержал.

— Надеюсь, ты не позволяешь им сломить тебя, — бросил он.

Бригадир ответил ему взглядом, который Сара никогда раньше не видела: «злой» было колоссальным преуменьшением.

— Доктор рядом со мной, — сказал он в трубку. — Если бы вы могли повторить ему эти слова.

Доктор обошёл стол Бригадира. Он повращал головой и размял руки, будто готовясь к боксёрскому поединку, а потом взял трубку. Бригадир отошёл с пути. Он выглядел потрясённым.

— Послушайте сюда, — резко начал Доктор.

Затем и он был побеждён. Сара выжидательно наклонилась вперёд. Что, чёрт возьми, ему говорили?

— Хорошо, — смиренно произнёс Доктор. — Я понимаю. Да, и вам.

Он положил трубку и опустился на кресло Бригадира. Сара переводила взгляд с него на Бригадира,

который стоял за ним у окна. Никто из них не ответил на взгляд. Они выглядели, как пара непослушных школьников, которых отчитал директор.

— Кто это был? — спросила Сара. — Кто запросил отвод статьи?

Бригадир ответил не сразу. Он кивнул вперёд.

— Это был он, — сказал Бригадир.

Доктор печально посмотрел на неё. Уголок его рта растянулся в полуулыбке.

— Если точнее, — сказал он, — это буду я.

Доктор не винил остальных в том, что они потеряли интерес. Сара была зла на него, несмотря на все его старания объяснить. Насколько она понимала, запрет, который он наложил, или наложит, прекратил расследование. И их неспособность решить эту проблему не имела ничего общего с ужасными последствиями вмешательства во время. Не имело значения, что задумал будущий он, сказала она. У него — того, что был здесь и сейчас — был шанс с Исааком, и он упустил этот шанс. Это терзало Доктора сильнее всего, потому что это была правда. Куда бы ни завели его путешествия, как долго ни оставалось до встречи с Исааком, он подвёл его, когда тот в нём нуждался. Никакие его действия теперь не могли загладить вину.

Тем не менее, он не мог просто бросить эту дразнящую тайну. Он не мог оставлять свободных концов. Почему умер Исаак? Что означала музыка? Как она связана, если связана, с переворотом, в котором Исаак (а может и он сам) принимал участие двадцать лет назад? Почему он узнал мелодию? В три часа утра

Доктор всё ещё работал в лаборатории, ломая голову над рукописями.

Он сделал копии, чтобы добавлять на них пометки, и они были разбросаны по всем рабочим поверхностям и по полу вокруг него. Он переводил взгляд с одной страницы на другую, ища связи, убеждённый, что он найдёт что-то, он вспомнит, где-то в центре всего этого. Всё впустую!

— Я побуду здесь ещё немного, — сказал он, когда кто-то заглянул в лабораторию.

Он обернулся посмотреть, кто это, подумав, не сделают ли ему кофе.

Вошедших в лабораторию мужчин он не узнал. Они были высокими, одетыми в серое. Их глаза и кожа тоже были серыми. Серыми, как залитые лунным светом облака, как жуткая магия. Они носили одинаковые деловые костюмы, странные и идентичные, за исключением петлиц. У одного на лацкане пиджака был идеально белый тюльпан, у другого — чёрная роза.

— Как поживаете, джентльмены? — спросил Доктор. — Я могу вам чем-то помочь?

Чёрная роза грациозно опустился на колени и начал собирать с пола бумаги. Белый Тюльпан проигнорировал Доктор и подошёл к столешнице. Вначале он взял конверт, а затем собрал копии Доктора.

— Простите, — сказал Доктор, потянувшись к запястью мужчины.

Тот атаковал его, но Доктор поймал его руку, повернул её вниз и кругом, перекинув его через плечо и бросив прямо в пригнувшегося Чёрную Розу. Доктор бы сказал колкость, если бы ему дали время. Оба серых

человека вскочили на ноги, словно коты, и бросились на него. Доктор увернулся, когда на него налетел Чёрная Роза, и уронил его чётко направленным ударом. Но Белый Тюльпан ударили его в нос тыльной стороной руки, а Чёрная Роза, лёжа на полу, схватил его за лодыжку. Доктор упал на спину, и на этом всё кончилось. Он поднялся на ноги так быстро, как только смог, но к тому времени они уже пропали.

— Стойте! — крикнул Доктор, бросаясь в погоню.

Но в коридоре у лаборатории от них не осталось ни следа, и все копии нот Исаака исчезли вместе с ними.

Хотя сама она его ещё не видела, Сара услышала несколько сообщений о дурном настроении Бригадира. Двое офицеров, дежуривших ночью, конечно же, в полной мере испытали на себе его гнев. Затем Бентон получил выговор, когда пришёл доложить, что поиск не дал результатов. Поиск занял всё утро. Когда позже Бригадир вошёл в лабораторию Доктора, выражение его лица говорило о том, что повелитель времени следующий в очереди. Это мгновенно изменилось, когда он споткнулся о провода в дверном проёме и упал, ударившись головой.

— Аккуратнее с оборудованием, старина, — сказал Доктор, сидевший в углу.

Он даже не обернулся, не увидел, как закипает поднимающийся на ноги Бригадир. Сара, сидевшая на столе и болтавшая ногами, прикусила губу. Её присутствияказалось достаточно, чтобы старый солдат взял себя в руки прежде, чем начал кричать. Она видела, как он медленно считает до десяти. Бригадир осмотрел

комнату, весь пол был завален мотками провода, образующими сумасшедшую картину.

— Я надеюсь, что ты делаешь что-то конструктивное, Доктор, — грубо произнёс он.

— Должен сказать, более конструктивное, чем ты, — отозвался Доктор, всё ещё не оборачиваясь.

Перед ним лежал наскоро сконструированный механизм, из тех, которые он всё время собирали и которые редко работали. Он с головой ушёл в работу, Саре и Бригадиру оставалось только обменяться взглядами «что тут поделаешь». Затем Доктор использовал звуковую отвёртку на что-он-там-собирал.

— Вот, это должно сработать! — Он просиял и поднялся на ноги. — Можешь остаться вместе с мисс Смит и посмотреть, если хочешь, Бригадир.

— Что ты задумал, Доктор? — пробормотал Бригадир.

— Мой дорогой друг, я сделал то, что твои люди — как бы они ни были надёжны — не смогли. Я нашёл двоих злоумышленников.

Бригадир скрестил руки на груди.

— Каким образом...

— В этом и дело, Бригадир, — заметил Доктор. — Они не с Земли.

— Ты имеешь в виду, инопланетяне? — спросил Бригадир.

— Вполне возможно, — ответил Доктор.

Он начал соединять странные фрагменты механизма на столе рядом с Сарой.

— Доктор считает, что злоумышленники материализовались в лаборатории, — объяснила Сара.

— А не взломали её.

— Это могло бы объяснить, как они прошли через охрану, — сказал Бригадир. — Но можешь ли ты быть уверен?

Доктор поднял глаза от своей работы. Он выглядит уставшим, подумала Сара. Некоторые солдаты, знавшие его несколько лет, говорили, что он выглядит старым и измотанным. Может, он просто устал отвечать на их глупые человеческие вопросы, вся эта нервотрёпка.

— Это элементарное устройство для обнаружения пространственно-временных отпечатков, — раздражённо сказал Доктор. — Методом исключения можно определить, есть ли здесь точка выхода из гиперпространственного туннеля, трансмат связи или чего бы то ни было.

— Ну и? — спросил Бригадир, очевидно не в настроении отвечать на гневный тон Доктора.

— Да, Бригадир, — сказала Сара. — Туннель открылся примерно там, где ты стоишь.

Бригадир быстро шагнул вперёд к столу и обернулся на то место, где только что стоял.

— Я ничего тут не вижу, — сказал он.

— Очевидно, не видишь, Бригадир, — проворчал Доктор, — сейчас он закрыт.

— Ты можешь его открыть?

— Не то чтобы, нет. Но я могу использовать оставшийся отпечаток, чтобы отследить, где туннель был открыт.

— И это приведёт тебя к тем серым мужчинам. — Бригадир кивнул. — Мне собрать людей, чтобы они помогли тебе разобраться с ними?

Доктор обдумал предложение.

— Я надеюсь, это не понадобится, — сказал он. — Я просто хочу с ними поболтать.

Бригадир рассмеялся.

— Это просто сводит тебя с ума, да? Незнание?

Доктор не обратил внимания на его реплику и продолжил работать.

— В школе я ненавидел эти штуки, — сказал он, больше себе, чем кому-то ещё. — Один из моих старых наставников использовал их, чтобы ловить меня на краже сладостей из школьной кладовой. А, это должно сработать.

Доктор обежал стол, чтобы присоединить последнюю деталь. Глядя на сложную беспорядочную конструкцию, Сара задавалась вопросом, как Бригадир мирился с эксцентричностью своего наёмного работника. Бригадир, несмотря на всё осуждение, смотрел снисходительно.

Вскоре Доктор остался доволен. Он оставил Сару и Бригадира за столом и попросил не пытаться помочь ему, если он будет выглядеть так, будто застрял. Бригадир ободряюще пожал ему руку, когда Доктор попытался мрачно попрощаться. Очевидно, старый солдат не принимал всё это всерьёз. Или он пытался облегчить Доктору задачу, какую бы абсурдно опасную вещь тот ни собирался сделать. Сара тоже пожала Доктору руку, но не смогла убедить себя, что он

подвергнется какой-то настоящей опасности. Не нажав выключатель на другой стороне стола.

Доктор быстро взглянул на них обоих в последний раз, прежде чем нажал на рычаг.

Аппарат за ними, тот, над которым он работал, когда вошёл Бригадир, издал трель.

Доктор выжидательно посмотрел на дверь лаборатории, будто желая увидеть, как через них войдут описанные им серые мужчины. Потом Сара что-то увидела. Будто марево от жары, размывающее очертания двери. Воздух пах чем-то сладким и острым, наполненным энергией.

Затем Бри...

Червоточина широко открыта. Он видит её целиком, белые светящиеся перепончатые стены сходятся к точке расплывчатой темноты далеко в конце. Он делает шаг вперёд и понимает, что его друзья не сказали ни слова. Вероятно, они под впечатлением.

Он оборачивается.

Бригадир и Сара стоят абсолютно неподвижно. Никаких движений, даже непроизвольных, рефлекторных. Они не мертвы, просто замёрзли во времени. Время остановилось. Его устройство этого не делало. Тогда кто?

— Это сделали мы, Доктор, — сказал человек в аккуратном костюме в тонкую полоску, стоящий у входа в туннель.

Он не вышел оттуда, он просто внезапно возник там, напротив. Он закрывает Доктору путь. Мужчина приветливо приподнимает котелок.

— Вы пришли объяснить всё это? — гневно спрашивает Доктор.

— Боюсь, что нет, — радостно произносит мужчина. — История пока что заканчивается здесь.

— Вы же не серьёзно.

— Ты поймёшь. Но не сейчас.

— Мне не нужно знать об Исааке, но музыка! Я уже знаю, что она что-то значит. Оно вертится на кончике моего языка, мне просто нужно знать, что это!

— Ты увидел вспышку того, что ещё грядет. На этом всё.

— Конечно нет!

— Я не предлагаю тебе выбор.

Это мужчина в костюме в тонкую полоску произносит совсем не так приятно. Он вообще не принятен.

— Незнание сведёт меня с ума, — горько отвечает Доктор.

Горечь означает, что он поступит так, как скажет мужчина. Он делает шаг назад от женщины, от туннеля.

— Как я найду покой?

Мужчина в костюме в тонкую полоску пожимает плечами.

— Впереди будут времена, — говорит он, — когда тебе понадобится что-то, чтобы продолжать идти.

Мгновение он выглядит так, будто скажет ещё что-то, объясним, что это значит. Он приподнимает шляпу и исчезает.

Часы на камине тикают неожиданно громко, слишком медленно и нереально, как только секунды снова начинают проходить.

— ...гадир повернулся, чтобы сказать ей что-то. Его остановил щелчок аппарата. Они оба снова посмотрели на Доктора. Странная дымка пропала из воздуха. Всё вернулось на свои места.

— Не сработало? — сочувственно спросил Бригадир.

Доктор не сказал ни слова. Это было не просто разочарование. Если раньше он выглядел старым, это было ничто, по сравнению с тем, как он выглядел сейчас. Сара наклонилась и коснулась своей ладонью его руки.

Друзья видели, что он хочет побывать один, и оставили его. Он был благодарен за эту доброту. Один в своей лаборатории, усталый и измотанный, он не знал, с чего начать,

Когда он спешно разбирал и убирал своё устройство, кусочек мелодии, которую он пытался напеть Бригадиру по рации, вернулся к нему незваным. Сначала он попробовал подумать о чём-то другом, чём угодно, что придет в голову. Но в голову пришла другая мелодия, пронизывающая и огибающая первую.

Он позволил двум фразам звучать в его голове, пока он убирался. Только закончив работу, он понял, что не может вспомнить третий фрагмент. Ноты дразнили, находясь чуть за пределами досягаемости.

Доктор осмотрел лабораторию в поисках бумаги, против своей воли желая разобраться со всем этим. Он

доберётся до истины, даже если это займёт всю его оставшуюся жизнь.

Несколько недель спустя старший сержант Бентон заглянул в лабораторию Доктора. Он был задумчив. Штаб ЮНИТ сильно изменился в последнее время. Доктор и Сара ушли, обстановка стала спокойнее. Машины отослали на хранение, чтобы за ними должным образом присмотрели на случай, если Доктор вернётся. Говорили, что старую лабораторию переделают в комнату для компьютеров. В таком случае, Бентону придётся научиться ими пользоваться. Ему не нравилась эта мысль. Возможно, он уйдёт в отставку прежде, чем придёт этот день, займётся чем-то ещё, чем-то полезным.¹²

Тень в углу привлекла его внимание, и он подошёл и присел, чтобы увидеть, что это.

Под одной из скамеек уже давно лежал пиджак. Он поднял его, отряхнул от пыли. Это ведь тот, который был на Докторе, когда он изменился, так ведь? Тот, в котором он умер...

Бентон задумался, что с ним делать. Казалось неправильным оставить его здесь. Кто-то может его утащить. С другой стороны, он не хотел оставлять себе такую дьявольскую реликвию. Не зная точно почему, возможно, просто чтобы занять себя чем-то, он проверил карманы пиджака. В них ничего не было. Казалось неправильным, что карманы Доктора пусты.

И тут Бентон нашёл клочок бумаги.

¹² См. «Мертвец Модрин» (прим.пер.)

Это был кусочек, вырванный откуда-то, треугольный фрагмент, начавший желтеть. На нём было что-то написано, но только подняв его к свету, Бентон увидел, что это не записка. По листу в беспорядке были разбросаны ноты.

Бентону был знаком почерк старого Доктора после нескольких лет запросов на оборудование и услуги. Но это была жестокая пародия на те уверенные паучьи каракули. Бентону понадобилось время, чтобы понять, что он держит — отчаянные наброски умирающего.

В следующие годы, Бентон время от времени будет возвращаться к трём вопросам, на которые никогда не сможет ответить. Он не сможет выкинуть их из головы.

Как долго Доктор путешествовал, умирая от того, что с ним сделали эти тибетцы, прежде чем вернулся в штаб ЮНИТ?

Действительно ли он верил, что не справится?

И, если перерожденный человек выбросил эту когда-то-столь-важную страницу, был ли он прав?

КЛИО: муза истории

«Стеклянная принцесса»

Джастин Ричардс

*Перевели с английского zolko, Vvn1995 и Svetaz,
редактор перевода vvn1995
<http://notabenoid.com/book/46825>*

На свой пятый день рождения принцесса Клио начала умирать.

Бальный зал дворца представлял собой густой лес из ног и платьев, когда её отец с гордостью повёл её в переднюю часть комнаты. Мама шла рядом с ней, держа её за руку. Мама надела своё розовое платье с белыми розами и кружевным воротником. Гости аплодировали, а лица, попавшие в поле её зрения, улыбались. Это был её день рождения, и всё было просто прекрасно.

Скоро будет еда, напитки, её друзья — дети эрцгерцога — придут поиграть с ней. И будут подарки. Мама сказала, что всё пройдёт «именно так», а папа пробормотал, что по крайней мере кузен Мальвек не приедет. Клио знала, что кузен её папы был регентом Долмары и что папа не любил его. Его имя упоминали шёпотом, и никто при этом не улыбался. Аллиса как-то сказала Клио, что если её папа умрёт, то она станет королевой. После того, как ей исполнится пять. Но если потом Клио умрёт, то кузен Мальвек станет королём.

— А что будет, если я умру раньше папы? — спросила она свою няню, не зная, что значит умереть, и гадая, больно ли это. — Станет ли кузен Мальвек королём?

Няня Аллиса улыбнулась и покачала головой.

— Он станет наследником престола. Но этого никогда не случится.

Клио подумала о кузене Мальвеке, потому что дядя Ферданд был здесь. Его обрюзгшее морщинистое лицо улыбнулось на мгновение, когда она проходила мимо, но потом быстро вернулось к привычному состоянию. Дядя Ферданд часто посещал дворец, но все остальные называли его «послом». После церемонии отец заставит его ждать, и если он заметит её, то спокойным и приятным голосом заговорит с Клио. Они играли в «Я шпион» в дворцовых прихожих, а потом он рассказывал ей истории про свой дом на Долмаре. Он рассказывал ей о том, сколько световых лет было до Долмары, о том, как его дети выросли и сейчас уже обзавелись своими детьми. Он показывал ей голограмму старой женщины, которую он называл «дорогая», и своих внуков. Клио надеялась, что он тоже считает её великой¹³. Также она надеялась, что он привёз ей подарок.

Мама помогла Клио подняться по лестнице, ведущей на помост в передней части комнаты, где её уже ждал отец. Обернувшись, она смогла рассмотреть

¹³ Прим. перев.: Непереводимая игра слов: внуки по-английски — grandchildren, великий по-английски — grand. То есть по логике Клио grandchildren — «великие дети».

людей как следует, будучи выше их. В комнате было так много народа, и теперь она заметила, что люди стояли в рядах, словно фигуры на шахматной доске. Все молчали и ждали, когда её отец заговорит.

— Как вы знаете, сегодня день рождения моей дочери. Сегодня ей исполняется пять лет. Возраст наследования, согласно нашим древним законам. Возраст, при достижении которого она, согласно традициям, готова вступить на престол. И сейчас я официально объявляю её моим наследником.

Его голос был необычным. Он немного походил на голос, который её пapa использовал на собраниях или на голографических совещаниях. Но этот голос также походил на тот, который её отец использовал, когда он, Клио и её мама оставались наедине. Клио стояла и слушала, ведь именно так поступила бы настоящая принцесса.

— Но, как я уже сказал, это древние законы. Сегодня праздник, день рождения, а не событие государственного масштаба, — сказал отец. — А сейчас Клио сама скажет несколько слов.

Она знала, что отец смотрит на неё. Он улыбнулся. Она закусила губу, неожиданно ей стало очень жарко. Она надеялась, что правильно вспомнит слова. Она надеялась, что сможет говорить также громко, чётко и медленно, как и её пapa. Она надеялась, что её платье хорошо смотрится со стороны, а её мама улыбалась, словно зная, что всё будет в порядке.

Она вспомнила, что должна смотреть на людей, а не на свои ноги. Прямо в первом ряду толпы стоял старик с длинными седыми волосами, которые опускались до

самого воротника. Глаза у него были живыми, а улыбка была искренней. Клио видела много улыбок, совсем не похожих на эту. Старик кивнул, совсем чуть-чуть — ровно настолько, чтобы сказать «Вперёд, всё будет хорошо». Его глаза сияли воодушевлением и весельем, и Клио заговорила.

— Спасибо всем за то, что пришли на мой праздник, — сказала она. Она сказала это громко, чётко и медленно. Когда Клио закончила, в комнате стояла тишина. Все по-прежнему смотрели на неё. Клио не знала, что делать дальше, поэтому она повернулась к маме и сказала — громко, чётко и медленно:

— Могу ли я получить свои подарки?

Она смотрела на лицо дяди Ферданда, когда говорила это. Она видела, что он не улыбался, а его глаза не сияли.

— Пожалуйста, — поспешило добавить она, надеясь, что никто не заметил её грубости. Было бы грубо не сказать «пожалуйста». Лицо дяди Ферданда исчезло за чужим плечом, казалось он смотрел себе под ноги. Он ничего не сказал, так что скорее всего всё было в порядке.

Мама улыбнулась, а отец рассмеялся, его рука легонько надавила на плечо Клио.

— Думаю, мы все знаем, в какой области лежат приоритеты ребёнка, — сказал он. Затем её пapa начал хлопать, медленно и осторожно, улыбаясь и кивая на свою дочь, а потом вся комната разразилась аплодисментами. Он наклонился, чтобы шепнуть Клио пару слов, пока гости продолжали аплодировать.

— Конечно же ты можешь получить свои подарки прямо сейчас, — сказал он. — Ты заработала их, моя маленькая принцесса.

У Клио было так много подарков, что спустя длительное время ей принесли стул. Она сидела на стуле на помосте, а люди один за другим подходили, вручали ей подарок и вежливо ждали, пока Клио открывала его.

Поначалу она была аккуратна с упаковкой. Она медленно снимала обёртку и развязывала ленту. Но очень скоро она стала попросту разрывать упаковку. Она едва успевала взглянуть на подарок, прежде чем его мягко забирали из её рук и уносили. На краю помоста стоял один из помощников её папы и составлял список всего, что она получила. Рваную бумагу и пустые коробки тоже уносили. Клио надеялась, что они не выбросят все коробки — Аллиса умела делать забавные штуковины из них.

Клио была довольна своими подарками. Больше всего среди них было ювелирных изделий, ожерелий и украшений, сверкающих в отраженном свете. Но было и несколько игрушек. Дети эрцгерцога — Алекс и Наташа — подарили ей игру с маленькими фигурками и голограммическую книгу сказок.

Старик с живыми глазами ещё не дошёл до помоста. Он остановился в передней части комнаты, наблюдая за очередью, кивая и улыбаясь, и, казалось, радовался каждому подарку, который получала Клио. Но она почти не обращала на него внимания. Она очень хотела узнать, что же такое привёз ей дядя Ферданд. Она видела дядину лысую макушку, блестящую от света люстр, когда он

подходил к Клио вместе с медленно движущимся вперёд людским потоком.

— Привет, дядя Ферданд!

Он взглянул на девочку. Но на этот раз улыбка на его лице явно не была искренней. Его руки были влажными, когда он вручал ей коробку. Влажными, холодными и дрожащими. «Он выглядит таким старым», — подумала Клио.

— С днём рождения, — тихо произнёс дядя Ферданд и сразу же отвернулся.

Клио быстро расправилась с приятно шелестящей упаковкой и обнаружила внутри коробочку из полированного дерева. Что же там внутри? Она открыла коробочку и заглянула в неё.

— Ох, какая прелесть! Мама, только посмотри на них!

Она держала коробочку так, что её мама могла заглянуть внутрь. Её папа тоже наклонился, чтобы рассмотреть туфельки.

Пара изящных крошечных туфелек блестела в отраженном свете. Казалось, что туфельки были сделаны из настоящего алмаза, они переливались и искрились каждой своей гранью, когда Клио вытащила их из коробочки.

— Можно мне примерить их? Сейчас? Можно?

Она услышала, как у дяди Ферданда перехватило дыхание, и подумала, что это из-за того, что ему очень приятно видеть её радость от полученного подарка.

Мама помогла ей разуться, а отец положил туфельки на пол перед столом. Их сияние ослепило Клио, когда она просовывала свою ножку в одну из

туфелек. Ей было удобно, не смотря на то, что туфельки были сделаны из стекла или хрусталя.

— Сидят идеально, — сказала она.

— Их сделали специально для тебя, — сказал дядя Ферданд. Но он всё ещё не смотрел на неё. Возможно виной тому был яркий свет, но Клио казалось, что её дядя чуть ли не плакал. Его губы были плотно сжаты, а глаза походили на глубокие колодцы.

Поначалу казалось, что и вторая туфелька прекрасно подходит. Пока Клио полностью не просунула ножку внутрь. Она вскрикнула, и похоже Ферданд вскрикнул тоже. Внезапный приступ боли охватил её большой палец. Она не могла рассмотреть свою ногу внутри гранёной хрустальной туфельки. Вроде бы там ничего не было но она почувствовала острую боль. Словно наступила на разбитое стекло.

— Что случилось? — спросила мама.

Клио сняла туфельку.

— Мой пальчик, — объяснила она.

Она подняла глаза, чтобы увидеть расстроился ли дядя Ферданд, она очень не хотела его расстраивать. Но его нигде не было. Она взглянула на своего папу, но он не смотрел на неё — он кивал и что-то объяснял жестами солдату, стоявшему в конце помоста. Солдат говорил в свою перчатку — таким способом он мог обмениваться сообщениями с другими. Клио думала, что может услышать голоса из задней части комнаты, но мама держала её ногу в своей руке. В другой она держала туфельки.

— Прошу прощения, могу я взглянуть?

Голос, сказавший это, был мягким и добрым, старым, но твёрдым. Это был тот человек, который наблюдал за всеми, человек с седыми волосами. Он взял туфельку из рук матери. Он осторожно ощупал и понюхал её, потом повернул её так, чтобы заглянуть внутрь. Когда он перевернул её, из туфельки закапала прозрачная жидкость.

Клио чувствовала усталость. Всё плыло перед глазами, словно она давно не спала, её веки смыкались.

— Крошечная стеклянная иголка, спрятанная в носке туфельки, видите?

Клио едва могла сфокусироваться на старице, но его голос выражал то, что стариця доволен собой.

— Что было внутри неё? — это был голос её отца.

В ответе старицы не было былого энтузиазма:

— Я не знаю, к сожалению. Я не знаю. Но мы можем выяснить это, не так ли? Хмм?

— Что было внутри неё? — снова спросил отец, его голос был жёстким и острым, словно стекло. Но Клио не видела, что на этот раз он обращался к кому-то другому. К кому-то, кого привели солдаты. И этот кто-то был, как Клио смогла разглядеть сквозь марево, дядей Ферданом. И он плакал.

— Ваше Высочество, мне очень жаль, — сказал дядя Фердан в перерыве между рыданиями. — Мне так жаль!

— Но зачем? — спросил седой стариц. — Зачем, сир?

— Потому что у меня тоже есть дети. А у них — свои дети.

— Жизнь за жизнь? — спросил отец. Он говорил тем голосом, который иногда использовал при разговоре с важными солдатами.

К тому времени в комнате не было никого, кроме солдатов, дяди Ферданда, Клио и её родителей. И старика. Клио не могла вспомнить, когда люди ушли.

— Вечер окончен? — спросила она, старика, который в это время внимательно рассматривал её бедный пальчик.

— Боюсь, что да, — ответил он.

— Как она, Доктор? — спросила мама. Он не ответил.

— Я больна?

Доктор развернулся и посмотрел на Дядю Ферданда.

— Ну? — спросил он. — Больна?

— Она умирает.

— Значит ли это, что дядя Мальвек станет королём? — спросила Клио.

— Это значит, — сказала мама тихо, так тихо, что Клио подумала, будто это не предназначалось для её ушей, — что будет война.

Клио закрыла глаза. Пора спать. Завтра она разберётся со своими подарками. Завтра она поиграет с Алексом и Наташой. Сквозь дрёму она слышала голос дяди Ферданда, хотя почти не могла разобрать его слова.

— Всё должно было пройти по другому. Она бы просто ушибла ногу. Естественная причина. И никаких обвинений и злости. Только скорбь и плач. Она не должна была надевать туфельки, не здесь, не сейчас. Люди всё видели.

— Но она сделала это, сир, — сказал Доктор. — И я хочу помочь, поэтому я должен знать, что было внутри этой иголки.

— Ей уже не поможешь.

Гневный голос отца почти разбудил Клио:

— Что было внутри?

Почти. Потом она снова погрузилась в дрёму. «Я уже должна была заснуть», — подумала Клио.

— Senexium Pulverate.

Клио снова приоткрыла глаза, всего лишь на пару секунд. Но этого было достаточно, чтобы она увидела дрожащую руку, которую дядя Ферданд подносил к своему рту. Но этого было достаточно, чтобы она смогла увидеть его заплаканные глаза. Когда он убрал руку, он, казалось, произнёс: «Мне так жаль, Клио», но она этого не слышала. Зато она слышала крик своего отца, когда солдат пытался залезть в рот её дяди, изо рта пошла пена, Ферданд закричал, и его тело рухнуло на пол.

Грустная улыбка Доктора была последним, что увидела Клио перед тем, как её глаза дрогнули и закрылись. Прежде чем она заснула, она услышала его слова, словно ворвавшиеся в её сон:

— Я всё ещё не вручил тебе свой подарок, Клио.

И последний звук, который она услышала, прежде чем погрузиться в долгий сон, походил на скрип отцовского пера по странице журнала.

Аллиса нежно тряслась. Клио открыла глаза, не сразу сообразив, где она находится. По ощущениям это была её кровать, но сверху и вокруг всё было опутано трубками и проводами. Казалось, они обладали

собственной жизнью: гудели и пульсировали, как спящее чудовище.

— Клио, пора вставать, — сказала Аллиса. Её глаза были влажными, но она улыбалась. — Время веселиться.

— Веселиться? — она все еще была сонной, опуская ноги с кровати.

— Смотри, я приготовила платье. Твой любимый цвет.

— Сегодня чей-то день рождения?

Клио раньше не видела этого платья, но оно было милым и красного цвета. Оно сверкало и блестело в мягким утреннем свете.

— Сегодня твой день рождения, — сказала Аллиса.

— Тебе исполняется 6 лет.

В банкетном зале её ждали мать и отец, Алекс и Наташа со своей матерью. И был ещё один мужчина, которого Клио не знала, но который широко улыбался, будто был её старым другом.

— С днем рождения, моя дорогая, — как только Клио вошла в комнату, мама обняла и расцеловала ее.

— Но оно было вчера, — сказала Клио. — У нас был праздник и всё такое. Я хотела поиграть со своими подарками.

На мгновение все затихли. Затем отец откашлялся. Он выглядит бледным и уставшим, подумала Клио.

— Ты права, — сказал он. — Но теперь у тебя день рождения каждый день.

Он посмотрел на странного маленького мужчину с темными волосами и в мятой одежде.

— Не так ли, Доктор?

Мужчина — Доктор — кивнул.

— Так.

— Ты не тот Доктор, которого я видела вчера.

— Нет, — признался мужчина. — Полагаю, не тот.

Но я знаю его так же хорошо, как и себя.

— Он обещал мне подарок.

— Клио, — пробормотала её мама.

— Обещал, — запротестовала она. — Но я заснула до того, как он передал его мне.

Она поджала губы, но не смогла долго сердиться.

— Это правда мой день рождения? Это правда, что мой день рождения каждый день?

— Правда, — сказал Доктор.

— Значит, я самая везучая девочка на свете.

Её мама отвернулась. Алекс выглядел так, будто собирался что-то сказать, но Наташа слегка толкнула его локтем и он уставился в пол.

— Тот другой Доктор обещал тебе подарок, да?

Она кивнула.

— Доктор, — тихо сказал её отец, глядя на маленького мужчину, на нового Доктора, — подарил тебе лучший подарок из всех. Ценнейший подарок, который мы все разделяем.

Доктор медленно кивнул, затем хлопнул в ладоши и приблизился на пару шагов к Клио.

— Надо же как-то разобраться с этим, не так ли? Это должно быть что-то, напоминающее о Докторах, — он продолжал говорить, словно здесь были только он и Клио и они были друзьями всю жизнь. — Только, кажется, сегодня я забыл принести тебе подарок. Тогда вот что я сделаю на твой следующий день рождения: я принесу тебе три подарка.

— Три?

Он улыбнулся:

— Один на твой прошлый день рождения от другого Доктора, один на этот день рождения от меня. И один на следующий день рождения.

— Но это будет так нескоро. Спустя целый год.

— О, нет, нет, нет, — Доктор опустился на колени рядом с Клио и приобнял её за плечи.

— Когда ты проснёшься завтра утром, — сказал он мягко, — уже наступит твой следующий день рождения. День рождения каждый день, помнишь?

Он кивнул и улыбнулся, чтобы доказать, что это правда.

Других гостей не было. Клио всё утро играла с Алексом и Наташей, а потом была вечеринка, совсем небольшая вечеринка. Подарки были славными, но их было не так уж много. Еда была хороша, взрослые пили вино и присоединялись к играм. Но, казалось, они не очень-то наслаждаются праздником. Клио думала, что, возможно, у неё слишком много дней рождения. Вероятно, если у тебя слишком много дней рождения, они перестают быть весёлыми. Отец постоянно порывался уйти, его помощники приносили ему сообщения, которые то успокаивали его, то сердили.

— А где твой папа — эрцгерцог? — спросила она у Наташи, когда принесли мороженое. Клио сидела между своими друзьями.

— Он мне нравится, он рассказывает такие смешные истории.

Наташа моргнула и нахмурилась. Она взглянула на Алекса и сказала:

— Он занят. У него дела. Важные дела.

— Важнее моего дня рождения?

— Он на войне, — сказал Алекс. Сказав это, он тут же отвернулся, а Наташа уставилась на него.

— Ну, это же правда, — услышала Клио бормотание Алекса.

— Неужели мы ведём войну? — растерянно спросила она. Но никто не ответил.

Очень скоро настало время отхода ко сну. Клио всем пожелала спокойной ночи и поблагодарила гостей за то, что они пришли на праздник. Аллиса взяла её за руку и повела прочь.

Но Клио остановилась и обернулась, выискивая Доктора.

— Не забудь, — обратилась она к нему, — мои подарки. Завтра.

Он грустно улыбнулся.

— Не забуду.

— Обещаешь?

— Обещаю. Хорошо выспись. Увидимся утром.

Клио устала. Тяжелая это работа — отмечать день рождения. Аллиса отнесла её в кровать. Затем она засуетилась возле трубок и проводов, что-то делая с металлической коробкой на столе у окна.

— Что ты делаешь? — сонно спросила Клио.

— Я хочу убедиться, что ты будешь хорошо спать, — ответила её няня. — Спокойной ночи, Клио, увидимся...

Она замолчала, будто забыв, что хотела сказать:

— Вскоре, — решила она. — Я скоро увижуся с тобой.

Потом Аллиса задернула шорты и Клио уснула. До своего следующего дня рождения.

— Почему я не могу надеть платье, в котором была вчера? — Клио хотела знать. Новое платье, которое Аллиса показала ей, было синим. Она же предпочитала красный.

— Оно не подойдет тебе, — сказала Аллиса так, будто этот вопрос был глупостью.

— Но оно подходило мне вчера.

Аллиса некоторое время не отвечала. Затем она сказала:

— Мне нравится синий. Он подходит к твоим глазам. Почему бы тебе не надеть его? Для меня. Только примерь, ты будешь красавицей.

Аллиса кажется ниже, чем была день назад, думала Клио, пока держала няню за руку, спускаясь по лестнице. Такими же выглядели и все остальные, когда она вошла в банкетный зал. Кроме Наташи и Алекса. Они выглядели выше — Наташа была до плеча своей матери.

Возможно, поэтому мама Наташи была так грустна. Она пыталась скрыть это, но Клио была уверена. Она увидела как женщина отвернулась, чтобы промокнуть глаза платком. Она выглядела такой уставшей. Может, Клио следует предложить ей специальную кровать.

Еще одним человеком, который стал выше, был Доктор. Сейчас он был таким же величавым, как царедворец, он был одет в бархат и носил накидку. Клио узнала его по улыбке, которой он одарил её, когда она вошла в комнату. Казалось, что все остальные

напоминали себе улыбаться, когда видели её, но не Доктор. Его радость была непосредственной и абсолютной. Он захлопал, когда вошла Клио, и все остальные тоже захлопали. Аллиса была права — платье сделало её красавицей. Клио сжала руку няни.

Чтобы гости могли разглядеть платье со всех сторон, она сделала полный круг, радуясь нескончаемым аплодисментам.

— С днём рождения, — сказала мама своим грустно-радостным голосом. Отец кивнул и улыбнулся, он выглядел усталым, как мама Наташи и Алекса. Казалось, что его жакет обвис на уровне плеч.

— Аллиса сказала, что другое платье не подойдет мне, — сказала Клио. — Но я же надевала его вчера, на свой прошлый день рождения.

Наступила тишина. Аплодисменты прекратились, на лицах гостей застыли улыбки.

— Но теперь ты стала на год старше, — сказал Доктор. — Тебе уже семь. А семилетние девочки не могут носить платья, которые они носили, когда им было шесть, не так ли? По той же причине, по которой бабочка не может поместиться в куколке, из которой она вылупилась.

А он забавный, этот новый Доктор. Он показывал фокусы: заставлял монетки исчезать, а потом появляться за ушами Клио или на её языке. Он смеялся и пил вино с остальными взрослыми, и в этом году все выглядели счастливее. А ещё он привёз подарки.

— Я старался подобрать вещи, характеризующие дарителя, — сказал он Клио, протягивая ей три завернутые коробки.

Первым подарком была брошь. Большая и золотая, с разноцветными камушками.

— Она немного великовата, я боюсь, — сказал Доктор. — Но она будет хорошо смотреться на тебе, когда ты... подрастёшь. Она символ того, что Первый Доктор очень любил тебя.

— Папа говорил, что тот Доктор уже сделал мне подарок, — сказала Клио, держа брошь так, что она засияла в отраженном свете. Это напомнило ей о туфельках и она решила быть осторожней, чтобы снова не уколоться.

— Но я до сих пор не знаю, что это за подарок.

— Это была твоя кровать. Твоя особая кровать. — сказала её мама. — Она была подарком для всех нас.

Вторым подарком была флейта. Доктор показал Клио, как правильно ставить пальцы и как дуть, чтобы играть различные ноты. В тот момент, когда она пыталась сыграть мелодию, Доктор выглядел грустным.

— Прости, — сказал он, заметив её взгляд. — Я просто вспомнил. Однажды я подарил такую же кое-кому другому. Кое-кому, кого я очень ценил. Это был самый лучший подарок, который я мог сделать для него, но этого было действительно недостаточно. Иногда, — сказал он, глядя на маму Клио, — ты не способен сделать большего. И это бывает очень печально.

Третья коробка была пуста.

— Здесь ничего нет, — удивлённо воскликнула Клио. — Ты забыл подарок.

— О, вовсе нет.

Доктор сел рядом с ней и взял её руку в свои.

— Как ты видишь, третий подарок представляет собой нечто, являющееся нематериальным. Это значит, что ты не можешь увидеть его, или унюхать, или даже попробовать. Но он здесь. И всегда будет здесь.

— Что это?

— Надежда.

Клио снова осмотрела коробку, медленно поворачивая её, надеясь заметить хоть небольшой проблеск надежды внутри. Но Доктор был прав, она ничего не увидела. Она тщательно закрыла коробку.

— Я буду хранить её, всегда.

Доктор кивнул и улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Потому что, хотя это и не всегда очевидно, везде, где есть жизнь, есть надежда.

Вдруг он поднялся, словно его что-то смущило, и огляделся.

— Сейчас я должен найти твоего папу и попрощаться.

Он держал в своей руке что-то ещё, на этот раз какой-то металлический стержень, которым он постукивал по ладони.

— Что это? Волшебная палочка?

— Нечто похожее, — признался Доктор, улыбнувшись. — Я должен быстренько осмотреть твою особую кровать, прежде чем уйти. Ага — вот и он.

Её отец вернулся, и Доктор направился прямо к нему. Клио могла слышать их разговор.

— Боюсь, мне пора уходить. Но перед тем как уйти, я быстренько осмотрю генератор стазиса. У меня есть идея, как можно замедлить быстрорастущую утечку энергии. Или, по крайней мере, позволить Клио уходить

далше от генератора, когда она не спит, не ускоряя процесс...

С ней заговорил Алекс, так что Клио больше не могла слышать того, что говорит Доктор. А жаль, ей нравился его голос.

— Увидимся в следующем году, — сказал Алекс. — Наташа должна отвести мать обратно на корабль. Она...

Он покачал головой:

— Это было трудное время.

— Не глупи, — сказала ему Клио. — Я увижу тебя завтра. Правда, Аллиса? Я увижу тебя завтра на моем следующем дне рождения.

— Да, — сказал Алекс. Он смотрел на Аллису, а не на Клио. — Я это и имел в виду. Увидимся завтра?

Клио смотрела, как чопорно он уходил. Он казался таким высоким. Теперь он двигался как солдат.

— Ты должна пожелать спокойной ночи родителям, — сказала Аллиса. — Пора спать.

На восьмой день рождения Клио шёл снег. Она наблюдала за крошечными хлопьями, спускающимися по спирали за окном, пока взрослые тихо беседовали и пили вино. Ни Алекса, ни его матери не было. Но зато пришла Наташа. Теперь она была такой высокой.

Доктор тоже казался выше, больше. Его лицо было сплошной широкой улыбкой, увенчанной шляпой, в обрамлении разноцветного шарфа. Он смеялся и шутил, и подарил ей мармеладки — большущий пакет сладостей.

К середине дня уже совсем стемнело. Клио видела из окна, что снег был глубоким, хрустящим и не

тронутым ничьими следами. Всего несколько дней назад ей приходилось вставать на сиденье у окна, чтобы выглядывать через каменный подоконник и смотреть вниз, на внутренний дворцовый дворик, а сейчас она, не взбираясь, легко могла сделать это. Наверное, это потому, что ей было восемь.

— Красиво, правда? — на удивление тихо сказал Доктор. — Так нежно, так мягко. Так холодно.

Он присел на сиденье у окна так, что почти сравнялся ростом с Клио.

— Обычно на мой день рождения не идет снег.

— Но на этот раз твой день рождения зимой.

— И поэтому сейчас так быстро темнеет?

— Темнее становится уже очень долгое время, — пробормотал Доктор. Затем он снова улыбнулся, его внезапная грусть прошла. — Боюсь, это моя вина. Я немного опоздал на твой праздник, но ты дождалась. Ты очень добрая.

— Правда? А могу я выйти поиграть в снегу?

Доктор кивнул и уставился в окно.

— Я бы хотел сказать «да», но не думаю, что это хорошая идея. Нам нужно держать тебя в тепле и безопасности в закрытом помещении. Кроме того, как ты сказала, темнеет.

Клио расстроилась, но постаралась не показать этого.

— Мне нравятся мармеладки, — сказала она.

— Я тоже их люблю, — поделился он. —

Обязательно съешь их все сегодня. Когда ты проснешься, они будут уже не такими вкусными.

Наташа едва перемолвилась словом с Клио за весь день. Она выглядела грустной и Клио видела, как её мама обняла Наташу, хотя они были почти одного роста. Клио хотела поговорить с Наташой, спросить её, что не так. Но когда она спросила, где Алекс, её подруга убежала, прижав руки к лицу. Отец обнял Клио, напевая «С Днём Рождения» таким голосом, будто он пробивается сквозь воду.

Стало ещё темней, поэтому вошел помощник и зажег свечи. Он был единственным помощником отца, которого видела Клио. Она смотрела, как он обходит комнату со свечкой, прикрывая её, чтобы она не погасла, пока он идет.

— Почему мы со свечами? — спросила она. — Из-за моего дня рождения?

Помощник посмотрел на неё, будто это глупый вопрос. Но Клио так не думала.

— Пожалуйста, скажите мне, — попросила она.

— Мы должна сохранять энергию, — сказал он. — Генераторы едва могут обеспечить достаточно энергии, чтобы держать...

Но прежде чем он успел договорить, появилась мама и сказала ему продолжать свою работу. Она отвела Клио обратно к столу, за которым ждал Доктор. Он откинулся назад, раскачиваясь в кресле так, как мама Алекса запрещала Алексу делать. Он положил ноги на стол, а отец слушал его глубокий гудящий голос.

— Запуск и остановка — вот в чём проблема, вот что потребляет энергию, — говорил он. — И, конечно же, процесс ускоряется в течение дня, и к вечеру необходим максимальный уровень энергии. Долгая ночь.

Возможно, вам стоит рассмотреть вариант более длительного ожидания встречи...

Он прервался на полуслове, увидев Клио.

— Последний раз это было три года назад, — сказал отец будто бы себе. — И мы построили два других генератора. Мы не можем себе позволить это снова, это истощает ресурсы, нужные нам на фронте.

Он отёр лицо. Отец выглядел таким старым и уставшим.

— Эй, — громко сказал Доктор Клио, сбросив ноги со стола и выпрямившись. — Хороший получился день рождения?

Аллиса ждала Клио. Пора спать, сказала она. На её лице появились линии, которые Клио раньше не видела. И светлые прядки в русых волосах.

У Клио осталось две мармеладки — красная и жёлтая. Она положила жёлтую на стеллаж с книгами, стоящими на страже во время её сна. И пока Аллиса не видела, Клио спрятала последнюю мармеладку под подушку. Там сладость будет спокойно спать. До завтра. До её следующего дня рождения.

Как только Аллиса разбудила её, Клио просунула руку под подушку. Мармеладка была теплая и целая и Клио отправила ее в рот, выбравшись из кровати. Комната казалась темной, а Аллиса стояла в тени, словно боялась войти в помещение.

— Я подготовила платье для тебя, — сказала она.

Её голос казался хриплым и странным. Возможно, она простыла, подумала Клио, ведь вчера была зима.

Но этим утром комната освещалась рассеянным бледным светом слабого солнца. Клио могла видеть пылинки, кружавшиеся на свету. Всё казалось пыльным. Она видела свои следы на полу, пока обувалась. Вот только обувь уменьшилась и она не могла втиснуть в неё ноги.

— Они ждут тебя внизу, — сказала Аллиса своим надтреснутым голосом и повернулась, чтобы уйти, прежде чем Клио закончит одеваться. — Увидимся там.

— Подожди меня, пожалуйста, — сказала Клио.

Она подскочила к стеллажу, натягивая платье. Было затруднительно управляться с руками так, как ей нужно было. Стеллаж был ниже, чем она помнила, однако желтая мармеладка по-прежнему лежала там, наблюдая за ней из-под слоя пыли. Клио взяла её и нежно сдула пыль. Она не должна есть её, раз здесь столько пыли, подумала Клио. Она была жесткой и ломкой, и, наверное, не такой вкусной, как та красная. Клио положила ее обратно, рядом со сказками, и поспешила догнать Аллису.

— Мои туфли малы.

Аллиса не ответила. Она стояла на верхней площадке лестницы. Когда Клио подошла к ней, она увидела, что теперь почти все волосы её няни побелели. Женщина выглядела изогнутой, скрюченной. Клио пыталась сдержать вздох, пыталась не выказывать своего удивления. Аллиса больна? Она выглядела такой старой маленькой и хрупкой. Клио взяла её за руку и они вместе спустились по лестнице, оставляя пледы на пыли и обходя паутину.

У основания лестницы друг против друга стояло два солдата. Ещё несколько солдат стояло у дверей в зал. Они не были людьми её отца — их мундиры были другими, похожими на тот, который носил дядя Ферданд, только без медалей на груди.

Отец с матерью ожидали её. Клио удивилась, увидев, что мамины волосы поседели — они стали почти такими же белыми, как у Аллисы. Возможно, они все были больны. Отец стал зачесывать свои редкие седые волосы на бок.

Когда мать обняла Клио, она показалась ей такой хрупкой и худой. Отец тоже обнял её, но это объятие не имело ничего общего с привычными крепкими объятиями. Он выглядел таким слабым и истощённым. Когда она отстранилась, щека Клио была влажной, и она вытерла её тыльной стороной руки.

Доктор был единственным, кто выглядел моложе. Наташа тоже была здесь, но Клио потратила несколько минут на то, чтобы узнать её.

— Ты так повзрослая, — сказала Клио своей подруге. — Сколько нам теперь лет?

— Тебе девять, — нежно сказала Наташа. Она улыбалась, но улыбка казалась грустной. — А мне девятнадцать.

Клио тряхнула головой.

— Ты на четыре года старше меня, — сказала она, пытаясь посчитать на пальцах.

— У меня тоже были дни рождения, — сказала Наташа, — пока ты спала.

— Не глупи. Тут не хватает дней. У меня день рождения каждый день.

— Вообще-то, тебе, вероятно, почти десять.

Голос Доктора был мягким и добрым. Он улыбнулся, выглядя при этом даже моложе Наташи.

— Понимаешь, больше нет прямого соотношения между ускорением процесса и увеличением энергии. — Казалось, его улыбка застыла. — Прошу прощения, где же мои манеры. Позволь мне представиться.

— Ты Доктор, — сказала Клио. — Я вижу.

— Видишь? О, хорошо, я полагаю, это хорошо.

— Ты принёс мне подарок?

Одно мгновение он казался растерянным.

— Подарок? — он нахмурился, а потом широко раскрыл глаза. — Ах, подарок, конечно. Да. Подарок.

Клио подумала, что он забыл, куда положил его; они оба оглядели комнату.

— Вот, — наконец сказал Доктор, и снял что-то с лацкана и протянул ей.

— Что это? — оно выглядело как растение, возможно, овощ.

— Это веточка сельдерея. Держи её на удачу. Как кроличью лапку.

— Как что?

— Что ж, забудь. Просто сохрани её. Она принесёт тебе удачу.

Клио послышалось, что отец испустил короткий смешок. Но когда она посмотрела на него, его лицо было строгим.

— Я расскажу тебе секрет, — тихо сказал Доктор.

Он надел очки. Он осмотрел сельдерей, который Клио держала в руках.

— Этой веточки сельдерея, знаешь ли, — тихо произнес он, — на самом деле не существует.

Клио она казалась очень реальной, но она кивнула, как если бы поняла.

— Это как надежда, которую ты дал мне? — спросила она. — Я до сих пор храню её в коробке наверху, хотя она теперь немножко пыльная.

— Мне знакомо это чувство, — пробормотал Доктор. — Да, удача и надежда часто идут рука об руку.

— Я думаю, — тихо сказала присоединившаяся взглянуть на сельдерей мать Клио, — что у нас нет ни того, ни другого.

Доктор мрачно кивнул, но заставил себя улыбнуться.

— Взгляните на светлую сторону, нет худа без добра, — он широко улыбнулся, — никогда не говори...

Но улыбка угасла, а голос затих.

Было не особо много еды, лишь хлеб да сыр. Клио ожидала увидеть, как Наташе разрешат вино, ведь она теперь такая взрослая, но вина ни у кого не было.

— Почему здесь солдаты кузена Мальвека? — спросила Клио.

На самом деле ей не очень хотелось это знать, но все были такие тихие. Это был её праздник, так что, возможно, ей и следовало вести разговор.

— Они здесь, чтобы присматривать за нами, — сказала мать, бросив быстрый взгляд на солдат у главных дверей.

— В частности, за мной, — сказал отец. На его лице была далеко не улыбка. — Я думаю, прибытие Доктора несколько не устраивает их.

— Да, я иногда произвожу такой эффект, — согласился Доктор.

— Несомненно, скоро последуют привычные страшные предупреждения об энергопотреблении и перечень других нарушений и проступков, которые следует учитывать.

Мать накрыла сжавшийся кулак отца своей ладонью. Отец опустил взгляд и встряхнул головой: «Прошу прощения», — говорило его лицо, в то время, как сам он молчал.

Дни рождения Клио были всё короче. Аллиса отвела её в спальню вскоре после трапезы. Не было ни игр, ни шуток, ни фокусов. Только строгие лица и тишина. Она надеялась, что её следующий день рождения будет веселей.

— Ты сказал, что мне почти десять, — сказала Клио Доктору, торжественно пожавшему ей руку и пожелавшему спокойной ночи. — Сколько мне будет в следующий раз?

Доктор открыл рот, чтобы ответить, но тут же закрыл. Возможно, он не был уверен. Он посмотрел на отца и мать Клио. Мать отвела взгляд, отец вздохнул.

— Я не знаю, — сказал Доктор. Казалось, что он обращается скорее к её родителям. — Но я обещаю, что у тебя будет другой день рождения. Я скажу, сколько тебе, когда ты проснешься.

— Утром? Ты будешь здесь?

Он притворился обиженным.

— Разве я не всегда был здесь?

Она обняла Доктора, который казался наименее слабым среди всех остальных. Он обнял её в ответ, так

же крепко, как это раньше делал её пapa. Наташа тоже крепко прижала её к себе, но её тело, казалось, тряслось во время их объятия так, что она даже не смогла пожелать Клио доброй ночи. Она лишь качала головой и смотрела в пол в то время, как Аллиса медленно, спотыкаясь, вела Клио по лестнице наверх, в постель.

Маленькая жёлтая мармеладка раскрошилась. Клио чувствовала, как мармелад распадается на кусочки под её пальцами, когда она взяла его в руки. Она думала, что если снова сдуть с мармеладки пыль, то она может вместе с пылью разлететься на части.

И если сдуть пыль с Аллисы, то няня тоже распадётся на части. Сейчас женщина была стара, очень стара. Лицо в морщинах и тусклые глаза. Няня ходила только с помощью трости.

— Сколько же лет мне сегодня? — Клио помнила о том, что сказал ей Доктор.

Она была выше, намного выше, чем была раньше. Формы её тела, казалось, изменились. Это было странно — несколько дней назад она отмечала свой пятый день рождения, а сейчас...

— Это очень сложные вычисления, — сказал ей Доктор через несколько минут, когда она встретила его в банкетном зале. — К счастью, для человека с моими математическими знаниями и опытом это дело нескольких секунд — рассчитать кривую ущерба, нанесённого Senexium Pulverate и затем замедлить его воздействие на время. Конечно, нужно принять в расчёт утечку энергии, и тогда уже получится реальное представление о времени.

— Так сколько мне лет в этот день рождения?

Аллиса не ответила, и Клио не стала спрашивать снова. Она заметила, что веточка сельдерея была такой же свежей и влажной, как и вчера, когда Доктор только дал её Клио. Она понюхала веточку, но та ничем не пахла. Ничем, кроме пыли и тлена, которые были повсюду.

Этот Доктор был большой и говорил громко. Но он казался таким же дружелюбным, как и предыдущие. Его круглое лицо носило отпечаток уверенности, тогда как его пальто позволяло предположить в нём остроумие и веселье шутника. Оно выглядело так, будто бы шарф, который был на нём в её восьмой день рождения странным образом вырос и обернулся вокруг всего его тела. Даже его волосы были полны жизни. Всё это составляло контраст с мамиными седыми волосами и утомлённым, постаревшим лицом. Наташа тоже выглядела старой и уставшей. Так много, должно быть, случилось за ночь, так много — пока она спала.

— Тринадцать, — решил Доктор.

— Сейчас ты подросток, Клио, — он театрально ей подмигнул. — Но нет никаких истерик подросткового возраста.

И снова Доктор больше всех говорил, шутил и смеялся. Он рассказывал Клио потрясающие воображение истории о своих приключениях в других мирах. Объяснял, какую сообразительность он проявлял во многих ситуациях и как он спасал миры, цивилизации и людей.

— Но не нас, — тихо сказала мама. И на короткое мгновение настроение Доктора изменилось, его лицо потемнело так, будто бы готова была разразиться гроза.

В последовавшей тишине Клио спросила:

— Когда придёт Папа?

Когда никто не ответил, она сказала:

— Он никогда не пропускает мои дни рождения. Держу пари, он был здесь ночью, когда я спала.

Наташа сидела с открытым ртом, как она обычно делала, когда Алекс говорил что-нибудь глупое. Уже несколько дней рождения Клио не видела Алекса.

— Почему все уходят? — удивлялась она.

— Да, — сказала мама. — Твой отец ушёл.

— А он будет здесь в мой следующий день рождения?

Клио было грустно, но она знала, что отец был важным и занятым человеком. Она знала, он пришёл бы на её праздник, если бы действительно мог, и удивлялась, что же могло быть настолько срочным, что задержало его.

Никто ничего не сказал. Пока Доктор неожиданно не ударил себя ладонью по лбу.

— Твой подарок! — воскликнул он, резко встав на ноги.

Лишь один солдат был у двери в этот день рождения, и он моргнул, настороженно глядя на движения Доктора. В эту секунду Клио было интересно, что же такое у солдата на поясе, к чему он так быстро протянул руку. Но Доктор уже тянулся к ней через стол, протягивая ей что-то.

Это был кусок ткани, толстый, как войлок. Он был вырезан в форме чего-то, и Клио держала его, пытаясь понять, что же это было. Силуэт животного — она смогла разглядеть его лапы, тело и голову, и представляла, где бы могли быть его глаза.

— Это кошка, — объяснил Доктор. — Кошка, которая всегда гуляет сама по себе. Она будет смотреть за тобой, пока ты спишь. И, знаешь ли, вы с ней очень похожи.

— Я похожа на кошку?

— Он имеет в виду, что ты тоже сама по себе, — сказала Наташа. Её голос был жёстким, но не грубым. Её лицо было бледным, с тёмными кругами под глазами. Клио подумала, что Наташа выглядит так, как выглядела мама в шестой день рождения Клио.

— Когда ты спишь, жизнь проходит мимо тебя, а ты не знаешь об этом. Жизнь, — снова тихо сказала Наташа, — и смерть.

Клио нахмурилась. Она не поняла, что имела в виду Наташа, но ничего не сказала. Очень много вещей сегодня приводило её в замешательство. Например, куда ушёл её пapa и почему мама и Аллиса так постарели; почему Наташа была так резка с ней и почему Доктор так усердно притворялся, что он счастлив и во всём уверен, тогда как она видела в его глазах всю глубину его грусти и сомнения. Если кто-нибудь здесь и был сам по себе, так это Доктор.

В замешательство приводило её и то, как её руки могли держать большие нож и вилку так легко сегодня, когда только вчера эти столовые приборы были слишком велики и тяжелы для неё. Сидя за столом, она

чувствовала себя неловко от того, что она такая высокая — её глаза были почти на одном уровне с Наташиними.

Но она была благодарна за подарок, и для неё стало сюрпризом осознание того, что в прошедшие несколько дней рождения единственныe подарки, которые она получала, были от Доктора. Он взял Клио за руку и повёл наверх, в её спальню.

— Обычно спать меня укладывает Аллиса, — сказала ему Клио, всё ещё чувствуя влажные мамины поцелуи на своих щеках.

— Аллиса устала. Скоро она тоже будет отдыхать. Длинный сон. Очень длинный сон. Годы берут своё.

— Ты имеешь в виду дни рождения?

Доктор сжал её руку крепче.

— Я имею в виду дни рождения, — согласился он. Он поднес её руку к своим губам и поцеловал, как раньше придворные целовали руку её матери.

— Зачем ты сделал это? — хотелось узнать Клио. Когда она переодевалась, Доктор отвернулся, что тоже показалось ей странным. — Почему ты поцеловал мою руку?

— Потому что ты принцесса, — сказал он. — И потому что это твой день рождения. И потому...

Он, как и Аллиса каждую ночь, возился с настройкой её кровати.

— Спокойной ночи, Клио, — его голос был тише, чем она могла представить после всех историй и бахвальства.

Она закрыла глаза и почувствовала легкое прикосновение его губ на своей щеке, нежнее, чем она могла ожидать от него. Но, может быть, это было просто

дуновение ветерка, пришедшего ускорить её сон и сдуть все плохие сны.

Доктор всё еще был здесь, когда она проснулась, и Клио задумалась — спала ли она вообще. Но не успела она закрыть глаза, как почувствовала солнечный свет, проникающий сквозь веки, и проснулась снова.

Она знала, что хоть немного, но поспала, судя по Доктору. Теперь он был маленьким человечком в странной шляпе, венчавшей его темные волосы. Он поднял шляпу и улыбнулся, заметив её открывшиеся глаза. Затем он водрузил шляпу обратно на голову.

— Это утро?

— Скорее вечер. Солнце садится.

Пока он не сказал об этом, Клио не осознавала, что солнце светило в окно на другой стороне комнаты. Солнечный свет отбрасывал тени на лице Доктора. Когда он наклонился над ней, Клио увидела, что Доктор опирался на трость. У трости была стилизованная рукоять красного цвета. Вокруг трости был обмотан какой-то материал, делая её больше.

— Аллиса нашла мне красивое платье на сегодня?

Он улыбнулся, но улыбка была грустной.

— Да, — сказал он. — И нет. Она оставила платье для тебя, но я думаю, что оно тебе не подойдёт. Аллисы нет здесь сегодня.

— Нет здесь?

Невозможно. Аллиса всегда была тут. Клио не могла вспомнить дня, когда бы Аллисы не было.

Доктор отвернулся и смотрел на закат.

— Нет, — сказал он тихо, почти бормоча себе под нос.

— Боюсь, ей пришлось уйти. Нам всем приходится, — добавил он, повернувшись обратно. — Рано или поздно.

— Что я надену? — спросила Клио, надеясь, что Аллиса скоро вернётся. Возможно, к следующему дню рождения.

— В гардеробе твоей мамы я нашёл платье, которое должно тебе подойти. И парочку других вещей тоже.

Он отступил на шаг и указал на платье, висевшее на двери спальни. Оно выглядело прекрасным. Оно выглядело огромным. Клио ахнула.

— Сколько мне лет?

— Что ж, это интересный вопрос.

Доктор постучал рукояткой трости по подбородку, а потом взял платье и положил его в нижней части кровати, рядом с другими вещами её мамы — туфлями, перчатками, нижним бельём. Платье было бледно-зелёным, бархатным, чудесным.

— Одевайся, — сказал Доктор. — Я подожду снаружи.

— Я умею одеваться самостоятельно, — с гордостью сказала Клио.

Она встала с постели. Это странно — быть такой большой. Доктор стоял за дверью, и она ясно слышала его голос, когда одевалась и возилась с этими дурацкими кнопками и застёжками.

— Ты и я очень похожи, заешь ли, — говорил Доктор. — Я знал человека, моего хорошего друга,

которому дети надоедали с вопросом, сколько ему лет. И о всегда отвечал им так:

— Нельзя всегда быть одного и того же возраста, — сказала Клио.

— Да, это очень верно. Но он всегда говорил им, когда его спрашивали: «Мне столько же лет, сколько моему языку, и я чуть старше своих зубов». И это было верной, разумеется, — Клио услышала, как Доктор хихикнул, — но не очень полезной информацией.

— Я готова.

— Прекрасно выглядишь.

Он несколько минут любовался ею, а Клио хихикала от смущения.

— Эти слова были правдой для него, но не были правдой для меня.

Клио нахмурилась:

— А у тебя, что, уже выпали все зубы?

— Нет, — он улыбнулся этой фразе. — Нет, у меня все зубы настоящие. Но и для тебя эти слова не будут правильным ответом. На самом деле не будут.

— Правда?

Она взяла его за руку, и они вместе пошли по пыльной лестничной площадке к пыльной лестнице. Их шаги эхом отдавались на мраморном полу.

— На самом деле, это зависит от того, что ты имеешь в виду под словом «возраст». Твоё тело такое же, как моё — его возраст отличается от возраста твоего разума. И время, прошедшее с твоего рождения, оно тоже отличается. Так же, как и у меня.

Клио не понимала, что он имел в виду, поэтому она просто кивала и ничего не говорила.

— Время играет со всеми нами, — тихо сказал Доктор, когда они пришли в банкетный зал.

Зал изменился до неузнаваемости. В нём не было другого света, кроме лучей умирающего солнца, пробивающихся сквозь грязные окна и отбрасывающих на пыльный пол длинные тени. Паутина и грязь особенно сильно выделялись в таком свете. Даже стол был покрыт пылью.

За столом сидела старая женщина. Она подпирала голову руками, локти опирались на столешницу, её седые волосы спадали так, что закрывали лицо. Когда она подняла голову, она выглядела уставшей и грустной. Медленно, запинаясь, она встала и побрела, огибая стол, к Доктору и Клио. Её стул опрокинулся, когда она вставала, и упал с глухим стуком, подняв тучу пыли.

— Клио, дорогая, — её голос был надломленным и сухим, как и её улыбка. Её глаза были бледными и почти пустыми.

На женщине было платье, которое Клио сразу же узнала — розовое, украшенное белыми розами и кружевным воротником.

— Это любимое платье моей мамы, — сказала Клио скорее удивлённо, чем с обвинением.

Старая женщина молчала. В пыли, где она волочила ноги, остались следы. Она смотрела попеременно на Клио и Доктора, её глаза наполнились слезами.

— Клио, — тихо сказал Доктор, — ты помнишь, что я сказал о шутках, сыгранных временем? *Tempus fugit*¹⁴. — пробормотал он. — Это твоя мама.

¹⁴ Прим. перев.: время летит.

И как только он сказал это, она смогла увидеть, что это правда. И она заплакала, и её мать заплакала, и Доктор выглядел так, будто собирается заплакать, но не сделал этого. Вместо этого он потянулся к карману и достал из него маленький пакетик. На её протянутую руку из перевернутого пакетика упал подарок.

— Старый Доктор прислал мне брошь, — сказала она ему. — Самый первый Доктор, который подарил мне специальную кровать. Он прислал брошь вместе с другим Доктором.

Но брошь, которую преподнес этот Доктор, была гораздо меньше. Белый пластик в форме щита. На ней были синие детали, но Клио не знала, что это такое.

— Это корабль, — сказал Доктор.

Видя её удивление, он объяснил:

— Не такой корабль, о котором ты знаешь. Этот передвигается по воде, а не между планетами.

— По воде?

Он помог приколоть ее к платью.

— Она принадлежала моему другу.

— Тому, с зубами?

— Другому другу. Юной барышне, как ты. Но она сказала, что брошь ей больше не нужна и она должна быть у тебя. Она сказала передать тебе, что ты её заслуживаешь. На самом деле это значок, а не брошь. Его получают только очень особенные люди. Очень храбрые.

— Я очень особенная и очень храбрая?

Доктор отступил назад, чтобы полюбоваться значком-брошью.

— Тебе лучше спросить свою маму, — сказал он.

Но мать все ещё тихо плакала, пытаясь улыбнуться сквозь слезы.

— Ты выросла, — сказала она. — Моя маленькая девочка, выросла наконец. Я ждала так долго.

Клио показалось странным, что она выросла так быстро. Никто больше не пришёл на праздник. Солнце скрылось из виду, и Доктор зажёг единственную свечу. Её неверный свет помогал им найти обратную дорогу в спальню. Это было медленное путешествие, потому что маме в качестве опоры приходилось держать Доктора и Клио за плечи, а им — помогать ей подниматься по лестнице.

— Не снимай платье, — сказала мама. — И брошь.

— Это символ, — сказала ей Клио. — Так мне Доктор сказал.

— Это твой символ, — мама попыталась улыбнуться. — Скоро уже утро. Нет никакого смысла тратить время на то, чтобы раздеться.

Она повернулась к Доктору, взяла его за руку и отвела на шаг-другой от кровати.

— Ещё один раз. Мы же можем? Ещё раз, прежде чем энергия наконец...

Но Доктор грустно покачал головой. Его шёпот звучал в наступающей ночи.

— Если она проснётся снова, то не останется энергии для того, чтобы стабилизировать поля. Мне очень жаль.

Мама смотрела на него некоторое время. Затем она подошла к кровати, где ждала Клио, Клио обняла её, и мама последний раз поцеловала дочку на ночь.

— Спокойной ночи, дорогая.

— Спокойной ночи, мама. Я люблю тебя.

— Сладких снов, — сказала мама, но её слова потонули в выступивших слезах.

— Увидимся завтра, — заверила её Клио. Она не хотелось, чтобы мама так грустила. Аллиса вернётся. И папа. И остальные.

Возможно мама что-то сказала. Клио не знала. Её глаза начали закрываться, а где-то вдали Доктор задул свечу.

— Давай я расскажу тебе историю, — сказал Доктор, ведя её к двери.

— Со счастливым концом? — полюбопытствовала Клио.

— В каком-то смысле.

— Я люблю истории со счастливым концом, — Клио с удивлением обнаружила, что платье всё ещё ей подходит. Возможно, как и сказала её мама, она спала не долго и больше не пропускала дни рождения. Минуточку: она побежала проверить всё ли ещё её надежда в коробке на книжной полке. Маленькая коробка, хоть и была покрыта пылью, но была на месте.

— Давным-давно, — начал Доктор. Сейчас они были на лестничной площадке. — Все лучшие истории начинаются так, — сказал он низким голосом.

Своим голосом рассказчика он продолжил:

— Жила принцесса.

Лестницы были покрыты слоями пыли, которые поднимались клубами от их шагов. Ковёр практически полностью разорвался.

— И этой принцессе не посчастливилось уколоть свой палец о брошь, так что она заснула на тысячи лет.

Клио хихикнула, но её смешок прозвучал как взрослый смех.

— Это глупо, — сказала она. — Никто не спит тысячи лет.

Доктор пожал плечами.

— Может быть, миллион.

— Хорошо.

— В любом случае, её семья не хотела, чтобы она спала, они хотели, чтобы она проснулась. Но она была под заклятьем, которое убило бы её, если бы она не спала. Чтобы остановить её умирание, остановить чары, они прикрепили к её кровати прялку.

— Прялку?

— Это просто история.

Банкетный зал казался пустым. С нижнего этажа не раздавалось ни звука, только их приглушенные шаги в пыли.

— В общем, они не могли бесконечно останавливать и запускать прялку — катушка износится.

— Что такое катушка?

— Это кусочек, который износится.

— Так что они сделали?

— Что ж, они будили её пару раз, пока могли это делать. Но со временем промежутки между пробуждениями становились всё дольше, а время бодрствования принцессы всё меньше. В конце концов они уже не могли её будить.

— И что случилось потом?

Клио ошибалась. В комнате кто-то был. Сидел за столом с опустившейся головой. Женщина в выцветшем, пыльном платье, которое когда-то было розовым. Приблизившись, Клио могла видеть слабый узор линий, как веточки, покрывавший платье. И она могла видеть то, что однажды было белыми розами, а превратилось в мертвенно-бледные и иссохшие формы. Кружева, украшавшие воротничок, были потерты и изорваны, так что выглядели как крошечные, хрупкие, сломанные косточки. А внутри платья...

Она догадалась.

— Они все умерли, да?

Доктор осторожно повел её от стола к дверям.

— Боюсь, да.

В этот раз Доктор был моложе. Его лицо было печальным, но не несчастным. Казалось, он привык улыбаться. У него были длинные кудрявые волосы и мягкий голос.

— Так что произошло? С принцессой? В истории?

— Ну... — казалось, он задумался над этим, мешкая у дверей. — Был один человек, который не умер.

Клио хлопнула в ладоши.

— Принц.

— Если хочешь.

— Он был прекрасным?

Доктор казался удивленным этим вопросом.

— Ну, я думаю, что был. В некотором смысле. Да.

— Что сделал прекрасный принц?

— Он сделал выбор. Это может звучать не очень героически, но это самая важная вещь, которую сделал принц. И труднейшая. Он должен был решить либо

позволить принцессе, которая, к слову, была красавицей, я упоминал об этом? Он должен был решить либо позволить принцессе спать вечно, либо разбудить её. Но он знал, что если он разбудит её, прялка остановится навечно...

Она внимательно слушала, раскрыв рот.

— Катушка сломается?

Он кивнул:

— И там не осталось никого, кто починил бы её или нашел новую. Но принц всё же решил её разбудить.

Они пересекли двор, двигаясь к главным воротам. Одни из них были приоткрыты. Другие сгнили и начали разрушаться.

— Так что принц отправился в замок, где спала принцесса. Но из-за ошибки его лошади, э, навигационной системы, они прибыл за пределы замка, а не внутрь. И он обнаружил, что за годы, пока принцесса спала, вырос огромный лес. Поэтому он достал свой меч, хотя тот и был немного ржавым, а сам он был немного не в форме. Он расчищал себе путь сквозь деревья, пока не нашел замок.

Клио прошла за Доктором через ворота. До этого она не была снаружи замка. Никогда. Она положила ладонь на холодный камень ворот, через которые прошла. Рука казалась чужой — голубые вены едва виднелись под гладкой кожей, ногти были длинными и изящными...

Снаружи был лес — деревья росли близко друг к другу, их ветви переплетались и пересекались. То и дело Клио могла видеть маленькие белые розочки,

выглядывавшие из зелени, так что следуя за Доктором через тернии, она старалась не уколоться.

Через лес шла узкая тропинка. Он ждал её и когда она дошла до него, то увидела, что через лес шли и другие тропинки.

— В действительности они никуда не ведут, — сказал Доктор ей. — Я думаю, кто бы не прорубил их, он немного потерялся. Или, возможно, они не были вполне уверены хотят ли они все же добраться до замка.

— Могу я побегать и поиграть?

Он расплылся в улыбке.

— Конечно, можешь. Для этого и существует лес.

— Мы не должны бегать в помещении.

— Но теперь мы снаружи. Мы можем бегать и прыгать, кричать от радости и играть в прятки.

— Не поймаешь, — закричала она и была такова.

Доктор побежал за ней, но он не очень старался выиграть. Клио побеждала каждый раз. Они играли до тех пор, пока она не запыхалась, и гладкая кожа на тыльной стороне её ладоней не стала вялой и покрылась морщинами.

— Так почему принц разбудил её?

Они медленно шли по тропинке. Доктор обрывал один за другим лепестки с розы, роняя их, словно снежинки, на землю.

— Он очень долго и мучительно думал о том, чтобы оставить её спящей, о том, чтобы оберегать её от боли и знания. Он позволил ей спать пока цивилизации появлялись и исчезали, пока империи возносились и рушились. До тех пор, пока все дни рождения и праздники не кончились.

От розы теперь остался только зелёный стебель с торчащим одиноким шипом.

— Но затем он подумал о том, что она теряет — не ход истории, но свою собственную жизнь. Он подумал о том, как она должна побегать и попрыгать, покричать от радости и поиграть в прятки. Хоть раз.

Он улыбался, вертя стебель в пальцах. Но улыбка угасала.

Клио побежала вперед, снова смеясь, зацепившись за стройный ствол дерева и кружась вокруг него в вздывающем платье.

— Он думал о ней, лежащей там, медленно, но верно ежедневно стареющей, и он думал о своей ежедневной жизни.

Она побежала к нему сзади и хлопнула по плечу, убежав, когда он развернулся и попытался поймать ее.

— Полагаю, он решил, что ты должна пожить как можно более полной жизнью, а не просто сидеть сложа руки и позволять всему пройти мимо. Ты должна быть снаружи, делая всё это, а не сидеть взаперти, наблюдая. Вот почему.

Она побежала вприпрыжку по лесу. Но её ноги налились тяжестью, и она чувствовала усталость. Её ногти обломались об деревья, а руки покрылись пятнами, стали слабыми и морщинистыми.

— Это история о выборе. О совершении правильных дел. О наслаждении. Наслаждении жизнью.

В конце тропинки была хижина. Клио бегала между деревьями, ныряя за них, а потом выпрыгивая на Доктора. Но теперь она ослабла. Она взяла его руки в свои и позволила ему покачать её.

— Кругом венки, несём цветы, — запел он.

— Пучок травы волшебной.

Мимо мелькали деревья, а она чувствовала себя слабеющей в его руках.

— Кругом костры, гробы, кресты.

Она пыталась заговорить, сказать ему, как весело ей было, что это был самый лучший подарок из всех. Но её голос сухо хрипел, как у мамы во время их последней встречи.

— И нет у нас надежды.

И она рухнула на пол, а её платье раскинулось вокруг неё.

Они были уже в хижине, и Доктор сгреб Клио, будто она снова стала маленькой пятилетней девочкой. И когда он сделал это, всего на мгновение, она подумала, что мельком увидела отражение своей мамы в его увлажнившемся глазу — старое, морщинистое лицо, улыбающееся, но уставшее, дрожащее и хрупкое.

— Сладких снов, Клио, — тихо сказал Доктор и наклонился поцеловать её. Последнее, что она услышала, впадая в сон, как где-то вдалеке раненное животное завывало от боли. А последнее, что она почувствовала — теплый дождь на своем лице, когда прекрасный принц поцеловал её на ночь.